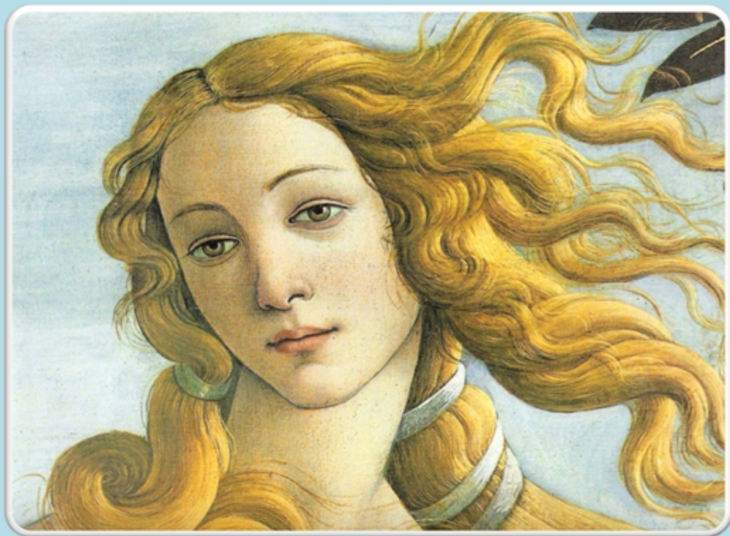

Ирина Ширяева

Тургеневская
спригпизерка

18+

Ирина Ширяева

Тургеневская стриптизерка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66767898

SelfPub; 2021

Аннотация

Если у вас есть ностальгия по антуражу конца 90-х-начала нулевых, то вам сюда! Бразильские сериалы, новые русские, шестисотые «мерседесы», пейджеры, «Тайд или кипяченье», бар «Каламбур»... Да много ещё чего, подзабытого, но теперь забавного и даже милого, вы обнаружите на страницах маленькой повести и рассказов, вошедших в сборник. К тому же надо учесть, что и сам жанр «женских историй», в котором написана книга, появился у нас именно в те годы. А потому был нов, свеж и задорен. Так что вам будет нескучно поплакать и посмеяться вместе с героинями, находящимися в вечном поиске Любви...

Содержание

Тургеневская стриптизёрка	6
«Ту-ду-ду-думм!»	50
Ты у себя одна	61
Бразильский сериал отдыхает	71
Икебана с аленьким цветочком	84
8,5 марта	95
Маленькие монологи	106
Ведь я этого достойна	106
Маленький пушистый котёнок	109
Письмо Джульетте	111
Случайные встречи	122
Двойка за любовные конспекты	133
Секс по домофону	146
Почти рождественская история	151
Как не дождался Игорь Николаев	164

Ирина Ширяева

Тургеневская стриптизерка

Дорогой читатель, а скорее, конечно, читательница!

Перед Вами сборник рассказов, написанных в жанре «женские истории». Рассказы эти очень разные – одни серьёзные, лирические, другие весёлые, игровые даже. В общем, как сама жизнь.

Вошедшие в сборник тексты писались в конце девяностых – начале «нулевых» годов для еженедельной газеты, в которой печатались и имели заметный успех. Когда пришла идея собрать все истории под одной обложкой, я решила ничего в них не менять в угоду современности. Пусть рассказы будут своеобразным зеркалом того времени. Ведь они наполнены уже подзабытыми, чуточку забавными из сегодняшнего дня, но такими ностальгически милыми реалиями тех лет. «СПИД-инфо», кактусы на только входящих в обиход компьютерах, бар «Каламбур», тушь «Максфактор», крем «Л'Ореаль Париж», колготки «Леванте», «Тефаль всегда думает о вас», сладкая парочка, «Просто Мария», отсутствие банковских карт и большие суммы наличными, общение по стационарным телефонам – сотовые только появляются, круглосуточная продажа алкоголя, «Матрица» и она же с гоблинским переводом... Эти и другие приметы того времени вы найдё-

те в рассказах.

Да и сам жанр «женских историй» – своеобразная дань началу девяностых-«нулевым» годам. Тогда этот жанр только-только появился в российской литературе и был мне интересен. Теперь я пишу совсем по-другому. Но всё же решила не отказываться от этого кусочка своего творчества. Ведь он часть не только моей жизни, но даже жизни страны...

Надеюсь, многое в моих рассказах будет Вам близко и интересно.

Приятного чтения!

Автор

Тургеневская стриптизёрка

– Эй, эй! Ты что, обкурилась?!

Варенька очнулась от того, что её тряс здоровенный гариллообразный детина в белом халате с подозрительными бурыми пятнами на животе. Да и весь он был какой-то подозрительный: наголо бритый череп и косые восточные скулы придавали незнакомцу, устрашающий вид боевика. Сразу приходила в голову мысль, что к такой внешности очень бы пошёл автомат. Эта опасная мужская игрушка наверняка могла чрезвычайно уютно уместиться в волосатых лапах парня, торчащих из закатанных рукавов халата.

От столь жуткого видения у Вареньки опять всё поплыло перед глазами.

– Ты! Кончай свои штучки, так твою разэдак! – заорал бритоголовый. – Тут за день, блин, напаришься, ещё с тобой возись!.. Дыши глубже! Носом дыши!

Варенька послушно задышала, и правда – стало легче. Она обнаружила себя на заднем дворе больницы, среди груды ящиков, сидящей на одном из них. Как она сюда попала, девушка не помнила. Просто брела куда-то наугад после разговора с главврачом...

– Оклемалась? – бритоголовый рассматривал её без всякого видимого интереса. задумчиво похлопывая себя по карманам.

«Наверное, санитар. Из морга, – решила Варенька. Уж больно зловещий был у парня вид. – Интересно, что он ищет? Нож?»

– У тебя здесь, – санитар кивнул на здание больницы, – кто-то лежит?

– Да... – выдавила Варенька.

– Мать?

– Муж...

– Н-да?.. – удивился бритоголовый. – И что с ним?

– Травма позвоночника.

– Хреново... – присвистнув, авторитетно констатировал санитар, видимо, считавший себя в значительной степени причастным к медицине. – Без бутылки не разберёшься...

Он наконец выудил из дальнего кармана пачку «Примы». Пачка оказалась пустой.

– Слушай, у тебя сигареты есть? С утра не курил, шас сдохну.

– Не курю.

– Хреново, – пригорюнился санитар. – А деньги? Тут у нас рядом ларёк.

– Н-немного... – растерялась Варенька.

Денег действительно было мало. Но кто знает этого чеченистого парня, может ведь и всё отобрать.

Варенька вытащила десятку.

– Да пошутил я... А, ладно, давай! – Бритоголовый проворно цапнул бумажку и скрылся за грудой ящиков, пообе-

щав на ходу: – Я скоро.

Варенька поспешно вскочила, соображая, что надо срочно уходить. По-английски, не прощаясь. Вот только знать бы, в какую сторону?

Девушка устремилась к ближайшей открытой двери. Но именно из неё, хотя уходил в противоположном направлении, вынырнул довольный санитар с пачкой «Примы» в одной руке и большой банкой пива в другой.

– Я же говорил, что скоро, – поспешил он обрадовать и, открывая пиво, гостеприимно предложил: – Будешь?

– Не пью.

Санитар глянул на девушку уже заинтересованно.

– Не пьёт, не курит... и с косой... – затем, напрягшись, сделал вывод, наверняка исчерпавший всю его эрудицию: – Тургеневская, блин, девушка...

Новый знакомый по-домашнему устроился на ящике и, радушно указав на другой, предложил: – Ну, давай, рассказывай, что там у тебя?

Сочувствие гариллообразного детины подействовало расслабляюще, и Варенька, опустившись на шаткую дощатую конструкцию, от души разревелась.

– На, вытри сопли, – бритоголовый, поморщившись, кинул ей кусок бинта. – Ты вообще кто?

– Актриса, – ответила девушка, невольно подтянувшись и доставая из сумочки кружевной платочек.

– Ну да? – чуть не подавился пивом труженик носилок и

цинкового стола.

– А что, не похожа? – оскорбилась Варенька.

Санитар, закурив, уже в третий раз оглядел собеседницу – теперь с пристальным вниманием. И подвёл итог:

– Нет, почему... Вполне. А твой мужик...?

– Тоже актёр. Мы на последнем курсе поженились.

Такой свадьбы уж точно не было никогда и ни у кого. Отсутствие презренного металла, как известно, иногда стимулирует творческую фантазию.

Потому Никита, который даже среди студентов актёрского факультета отличался особым обаянием и был всеми любим, без труда и, главное, практически без денег превратил свою свадьбу в театрализованное народное гулянье.

Конечно, решено было венчаться в церкви. Потому что это красиво.

Жених в элегантном фраке, крахмальной манишке и белых перчатках смотрелся великосветским повесой из фильма про девятнадцатый век. Сияющий взгляд счастливой невесты, словно солнечный лучик, с трудом пробивался сквозь пышное облако фаты. Блики его играли на украшавших подвенечное платье драгоценностях.

Драгоценности, понятно, были фальшивыми. А наряды удалось выпросить напрокат в костюмерной.

В храм молодые следовали на раззолоченной карете с вензелями, которую обеспечили знакомые каскадёры с киносту-

дии.

Следом на трамвае катил весь выпускной курс актёрского факультета. Когда студенты ввалились в трамвай, ошарашенные мирные пассажиры решили, что присутствуют на съёмках рекламы каких-то очередных батончиков или всенародно любимых памперсов-прокладок. Потому как тусовка представляла собой оглушительное сборище нахальных арлекинов, суровых монахов, дам в кринолинах и кавалеров в пудренных париках, рыжих скоморохов, слезоточивых Пьеро, блистательных гусар, приставучих цыган с медведем, цепляющих всех своими шпагами мушкетёров и ещё трудно сказать кого. В глазах рябило от трескучих вееров, тотальных блёсток, кокетливых мушек, ярких заплат, задорных веснушек, золотых эполет...

Весь этот ералаш пищал фальцетом, хохотал басом, пел, визжал, стрелял глазками и хлопушками. А рослый красавец в плаще Казановы всю дорогу хорошо поставленным голосом читал в милицейский «матюгальник» импровизированную лекцию о браке и семье.

Когда жених с невестой вошли в церковь, карнавальное шествие с радостным гвалтом выплеснулось на площадь. Теперь уже здесь, в сиянии юных задорных глаз и бледных при дневном свете бенгальских огней, били через край азартное веселье и актёрский кураж.

Без пяти минут лицедеи пели хором и соло, под гитару и «а капелла», плясали русскую, цыганочку и танго, ходили на

головах в буквальном и переносном смысле слова, ходили с шапкой по кругу зрителей. А тем с полувзгляда было ясно про ряженных, что «все они красавцы, все они таланты, все они поэты».

И, конечно, виновники торжества, Варенька и Никита, ни капельки не сомневались, что их задиристая свадьба – только начало щедрого праздника жизни, который будет длиться долго-долго...

– Ну вот, – продолжила Варенька. – Никита ещё в институте хотел научиться трюкам всяким, к каскадёрам на киностудию ходил. Он ведь и автомобиль хорошо водит, и верхом ездит – просто класс! Потом постепенно стал этим каскадёрством подрабатывать. Знаете, у Никиты всегда всё получается, стоит только захотеть. Задумал в рекламе сняться – и снялся. Видели, наверное, серию роликов, где студенческая компания кофе пьёт? Так у него там больше всех слов... – Варенька вздохнула. – Всё было так хорошо! И вот... Неудачно упал во время трюка. Травма позвоночника...

– Хреново... – повторил бритоголовый, попивая пиво.

– Правда, врачи говорят, что всё не так страшно, – поспешно добавила Варенька. – Если сейчас операцию сделать, функции должны полностью восстановиться. Но эта операция таких бешеных денег стоит! Ну где, где я их возьму?!

– А родители? – деловито осведомился собеседник.

– У него – безработные. Никита из Норильска. Завод «Североникель» знаете? Сокращают, а он градообразующий. У меня только мама – учительница, – девушка всхлипнула в уже мокрый насквозь платочек. – Нет, я не понимаю: неужели врачи такие бездушные? Они же клятву Гиппократу давали – не отказывать в помощи!

– Ну, ты скажешь – клятву! Врачи тоже люди, жрать хотят. А оборудование, импортное, между прочим, им кто, твой Гиппопотам закупать будет? Да утри ты сопли! Все сначала в истерике, а потом выкручиваются как-то.

– Как? На панель, что ли, идти?!

– Неужели пойдёшь? – живо заинтересовался бритоголовый.

– Подумаю, – уклонилась Варенька от прямого ответа, решительно вытирая слёзы и поднимаясь с ящика.

– Ну, если надумаешь, меня не забудь. По знакомству, – усмехнулся санитар, указывая рукой направление к выходу.

– А я дорого брать буду! – с задорной наглостью предупредила, обернувшись, Варенька.

– Обижаешь, начальник. Отслюним по первому разряду, – заверил вслед труженик царства мёртвых.

Лолка открыла заспанная, злая, чуть ли не в ночнухе, хотя время было далеко за полдень. Однако, увидев Вареньку, просветлела.

– Привет, подруга! Сколько лет, сколько зим!

Девушки сразу направились на кухню, и Лолка, отчаянно зевая, бухнула на плиту турку.

– Слыхала про Никиту... – осторожно начала она, искоса глянув на Вареньку. – Ну, как он?

– А... – махнула та рукой, горестно вздохнув.

– Ясно, – вздохнула и Лолка, закуривая.

Определяющей индивидуальность чертой Варенькиной подруги и бывшей однокурсницы являлась яркая, обаятельная вульгарность. Впрочем, в творческих кругах это качество принято называть самобытностью.

– Не выспалась ни фига, – сообщила она, потягиваясь. – Пять часов вчера в торте сидела.

– В торте? – не поняла Варенька. – Это что-то из «Трёх толстяков»?

– Ага, про толстяков, – захохотала Лолка. – Особенно у которых кошельки толстые. Они жрут-пьют на своём банкете, а я посередке, в торте. Сиськи в розочках, задница в шоколаде...

– погоди, Лолка! Какие розочки, какой банкет? Что ты в торте делаешь?

– Работаю. Сюрпризом. Начинкой. Сладкой девушкой.

– И как это всё, интересно, выглядит?

– А вот так вот! Заказывает какой-нибудь новый русский банкир торт своему дружку на мальчишник. А оттуда я выскакиваю – оп ля! Мужики в отпаде. Потом я пляшу на такой фиговой подставке. А потом объявляют: «Лот первый –

розочка на левой груди! Весь сбор в пользу Лолочки!»

– И что?

– И они меня облизывают...

– Что?!

– То самое! Грудь – 200 баксов, задница – 100...

– Фу, Лолка!..

– ...прикинь, за вечер сколько выходит?!

– Ну ты даешь! – не могла прийти в себя Варенька.

Хотя Лолка не была бы Лолкой, если бы не выкидывала время от времени подобные штуки.

– А вот этого не надо, – перевела на свой язык подруга. – Я говорю, давать ничего не надо. Отсутствие интима даже в контракте оговаривается. Посмотрели, облизнулись...

– В смысле, облизали?

– Ага! И чао-какао! Прикинь?

– Да уж...

Тут Варенька с изумлением уставилась на кусок черного хлеба в руках сладкой девушки. Та, проследив ее взгляд, расхохоталась.

– Да меня теперь от одного запаха этих проклятых бисквитов мутит! Понюхай-ка пять часов кряду, – объяснила она, разливая кофе по чашкам. – И потом, эти деньги – только в руках подержать. Я ведь за квартиру еще и половины не заплатила. Плюс сеструха на платном учится. Все туда идет... А я что? И в джинсах похожу – не лопну. Благо на работу одеваться не надо, – Лолка фыркнула. – Совсем даже наобо-

рот... Удобно, а?

Отхлебнули кофе. Помолчали.

– Я ведь зачем пришла, – начала Варенька. – Посоветоваться. Может, чего подскажешь. Никите деньги на операцию нужны. А я даже не представляю, где такую бешеную сумму взять можно.

– Где взять, где взять... – пробурчала Лолка. – Где деньги берут? У спонсоров, конечно. У тебя ж его нет, ясное дело... Ой, слушай, – вдруг оживилась она, – что, если потрясти ту мадам, с телевидения?

– Какую мадам?

– Ну, которая кофейную рекламу спонсировала.

– А она-то здесь причём?

– Да ты чо, девушка, с Луны упала? Никитку-то твоего в рекламе, что, за красивые глазки сняли... То есть да, именно за красивые. Но сперва-то он сам кое-кого снял. Ой, да ладно, не буду, ты же у нас святая...

Варенька, растерянно молчала. Она не хотела унижаться до пошлых ревнивых выяснений. Да и не время сейчас...

Лолка, закурив, резюмировала:

– Значит, спонсоры отпадают. Ну что тогда еще можно посоветовать? Дурные деньги, они ведь только по-дурному и достаются. Своровать, ограбить – раз. Это не катит. Надо знать, где и как. Не сможешь, еще и сядешь, – по-деловому рассуждала Варенькина наперсница. – Второе – проституция...

– Знаешь, я даже об этом думала... – призналась Варенька.

– Ха! Тоже мне, Сонечка Мармеладова выискалась, – презрительно усмехнулась Лолка. – Да и не так это просто. Там давно уже все зоны влияния поделены и забиты. А еще, прежде, чем в проститутки подаваться, сообрази: распрекрасный твой Никита потом первый в тебя плюнет.

– Да лишь бы он выздоровел. Потом – хоть потоп. Все равно.

– Это тебе сейчас все равно. Ладно, дальше. Третье – стриптиз. Если в приличное заведение устроиться, то все путем. Но ты не потянешь...

– Почему это? – оскорбилась Варенька.

– Ага! А снимать что будешь? Белые носочки и пионерский галстук?

– Лолка! – Варенька вдруг хитро засмеялась. – А помнишь капустник на третьем курсе «Это не я, это он»?

Подруга, как раз отхлебнувшая кофе, фыркнула так, что брызги веером полетели на Варю.

– Ага, такое разве забудешь?! Мастер, приколист, устроил праздник перевоплощения!

– И каждый должен был сыграть свою полную противоположность... Образ, наиболее ему чуждый.

– Я, блин, вся из себя была такой интеллигенткой, – закатила глаза Лолка. – Чуть не сдохла, пока вместо матов Ах-

матову учила.

– А помнишь, что делала я?

– Батюшки! – ахнула Лолока. – А ведь стриптиз и делала! Пародию, конечно, но все равно классно получилось. Мужики, помню, чуть слюной не подавились... Слушай, мать, а ведь можешь, когда захочешь.

– Хочу, – твердо сказала Варенька. – Хочу много денег Никите на операцию.

– Да ладно тебе коммунистку перед расстрелом изображать, – не оценила ее самоотверженность Лолка. – Решила – значит, решила. Ближе к телу. Где-то у меня газетка с объявлением приготовлена. Для себя припасла, да уж ладно, пользуйся, – приговаривала она, роясь в тумбочке. – Ага, вот: «Требуется танцовщица для ночного клуба»... Мать моя женщина! Просмотр сегодня вечером!

Варенька и Лолка ошалело уставились друг на друга, вернее, подруга на подругу.

– Что же делать? – опешила Варенька.

– Покажешь тот, институтский танец, – безапелляционно решила Лолка. – Где барахло и кассета?

– Дома, кажется... Да их искать надо.

– Я помогу. Берем тачку, – командовала Лолка, быстро одеваясь, кидая что-то в сумку и время от времени отодвигая растерянно стоящую на пути кандидатку в стриптизёрши.

– Да не помню я танец! – взмолилась Варенька. – Это когда было!

– Вспомнишь! – отрезала Лолка. – Ты актриса или где?

Под шаловливую мелодию Варенька танцевала задорную игру в соблазнение. На ней красовалась медленно тающая пена кружевных тряпок с множеством застёжек, завязок и подвязок, которые новоявленная стриптизёрка не спеша распутывала с интригующими ужимками.

Обойма жюри, состоявшая из пяти разнокалиберных мужчин, беспощадно обстреливала гибкую кандидатку то прицельными, то трассирующими взглядами. Кандидатка вызывала любопытство редким для таких показов шармом, свежестью и чувством юмора.

Когда, наконец, из одежды остался минимум, девушка сделала эффектную паузу и, грациозно подняв руку, якобы для того, чтобы расстегнуть последнюю застёжку, вдруг едва уловимым движением выдернула из затейливо уложенной прически единственную шпильку.

Длинные волосы хлынули водопадом и мгновенно укутали нестандартную стриптизёрку от макушки до колен.

Над столом комиссии повисла недоуменная тишина. Пауза держалась так долго, что Варенька успела уйти за кулисы. Там-то и настиг ее голос из глубины зала, легко перекрывший прорезавшиеся, наконец, из озадаченного молчания смешки и хмыканье:

– Девушка, подойдите, пожалуйста, сюда.

Едва собрав волосы и наскоро накинув предусмотритель-

но захваченный из дома купальный халат, Варенька в сопровождении Лолки поспешила на этот привыкший распоряжаться голос. Оказалось, что он принадлежит похожему на Челентано лысоватому мужику с таким же характерным для средиземноморской суперзвезды пресыщенно-брезгливым выражением на заметно потрепанной физиономии. Одет лже-Адриано был, соответственно, в нечто блеклое и растянутое, типа из задрипанной комиссионки, но, наверняка, на самом деле баснословно дорогое.

– Я вас беру, – заявил двойник кумира, всецело сосредоточившись на перемалывании жвачки и глядя куда-то мимо Вареньки. – Завтра с этим же номером на презентацию клуба. Днем, в два, позвоните.

Челентано сунул девушке визитную карточку и кивком лысины дал понять, что разговор окончен. Едва отойдя в сторону, подружки с нетерпением принялись изучать фирменный кусочек картона. На нем значилось: «Рубин Аркадий Ильич... менеджер... ночной клуб “Титаник”... телефоны...»

– Слышала я про эту презентацию, – горячо зашептала Лолка, чуть не подпрыгивая от возбуждения. – Там же, говорят, весь бомонд будет! Вот это финт ушами! Попала, блин, с корабля на бал! Вернее, с бала – на корабль.

Действительно, новый ночной клуб «Титаник» расположился на респектабельного вида речной посудине, изящно

стилизованной под трансатлантический лайнер начала века. В его новеньких, с иголочки, интерьерах дизайнерам удалось остроумно соединить несколько разнородных мотивов.

Во-первых, здесь был воссоздан подсмотренный в фильме Джеймса Кэмерона подлинный антураж внутреннего убранства корабля-горемыки: мебель, драпировки, подсвечники, иллюминаторы, даже дверные ручки. Во-вторых, в этот комфорт и фешенебельность была щедро подпущена некая ледяная струя, как символ грядущей катастрофы. Ее олицетворяли: обилие льда в коктейлях и серебряных ведерках с шампанским, скользкие матовые стойки, глыбообразные люстры-светильники, загроможденные чем-то холодно-блестящим ниши. В-третьих, помещения были буквально наводнены аквариумами самого неожиданного местонахождения, прихотливых форм и фантастического содержания. Некоторые посетители уверяли, что собственными глазами видели, как там плещутся русалки. И причём здесь «Меньше пить надо?!» Фи, как вы не романтичны!

Сие новомодное злачное заведение открылось демонстрацией шумно анонсированной коллекции отечественного Дирора тире Станислава Славского под названием «Вацлав и Анна». Имелись в виду Анна Павлова и Вацлав Нижинский, а также Дягилевские «Русские сезоны» в Париже.

Очевидно, весь шик и шарм дефиле был призван воссоздать томительную и томную атмосферу начала века, и талантливому кутюрье это удалось. В мотивах коллекции чита-

лись-ощущались и модерн, и декаданс, и Бакст, и Сен-Санс, и Вертинский, и (разумеется) женщины-вамп, и кокаин, и изысканная депрессия, и сладкая обреченность.

Публика растроганно аплодировала, кутюрье мило раскланивался, стараясь не расплескать шампанское из сунутого кем-то в ладонь высокого бокала. Если бокал с благородным напитком очень органично вписывался в экстерьер Славского-старшего, то в руках его сына Клима (кстати, тоже модельера) сей атрибут выглядел явным диссонансом. Ибо младший кутюрье тяготел к совершенно иному стилю. Клим, хотя ему очевидно тянуло к сорока, украсил себя шляпой типа детсадовской панамки, обтянул заметный животик черной футболкой с тинейджерской символикой, а полные запястья обхватил ошестинившимися металлическими браслетами. Подтянутый папенька в бабочке и смокинге выглядел рядом несколько субтильно.

Собравшийся бомонд и примкнувшие к нему круги осваивались в свежих интерьерах, кучковались, обменивались впечатлениями от нового клуба и новостями вообще.

– Как говаривал О. Бендер, в этом супе... то есть коктейле, плавают обломки кораблекрушения...

– Конечно, Лазурный берег – полное дерьмо...

– Ах, оставьте, какой на этом фестивале артхаус... Полная провинциальность, вот и всё!

– Сколько ни бьюсь, не могу найти приличную маникюршу для Максика...

– Мужа? Бойфренда?

– Да пёсика же!

Постепенно бутылки пустели, тела расслаблялись, взоры туманились. Среди VIP-столиков хищно бродил с недопитым бокалом приставучий, всем известный своей скандальностью актер. Когда-то по-настоящему талантливый и любимый зрителями, ныне он бросил хлопотное дело лицедейства и стал профессиональным арт-тусовщиком. В результате безобразно растолстел, обрюзг и опустился до ведения светской рубрики (окрещенной в бомондском просторечии «Сточной канавкой») в одной из наиболее пронзительно-желтых газет. Его не любили и презирали, но побаивались, а потому угощали и строили глазки.

Между тем подошло время стриптиза. Демонстрация обнаженных тел открылась довольно претенциозным танцем под названием «Пять Оскаров». Имелось в виду, что именно столько золотых статуэток, каждая из которых воплощает предел мечтаний любого встречного и поперечного киношника, сумел отхватить титанический по размаху фильм Джеймса Кэмерона. Итак, пять бритоголовых, покрытых от макушки до пят золотой краской стриптизерш застыли в ряд. Вероятно, они имитировали увеличенный до нечеловеческих, вернее, как раз до человеческих размеров, приз Американской киноакадемии. Зазвучала музыка, представлявшая собой попури мелодий из суперблокбастера. «Статуэтки» ожили, и начался танец, который, судя по всему, должен

был выражать последовательно: беззаботность, катастрофу, борьбу, надежду, гибель (корабля) и триумф (фильма).

В это время Варенька за кулисами кричала в телефонную трубку:

– Алло! Это больница? Алло!

Мимо шмыгали прехорошенькие холеные девушки в эффектных нарядах, которые гораздо больше открывали, чем прикрывали. Стройными рядами проходили двойники Леонардо ди Каприо, подвизавшиеся здесь в качестве жиголо.

– Ну да, из 516-й. Что? Хуже? Как же так... Ну, ему хоть что-нибудь делают? Девушка! Не бросайте трубку! Боже мой...

Слушая отдающие гулкой безнадежностью гудки, Варенька слегка запрокинула голову, стараясь, чтобы слезы скатывались, не размазывая ресниц.

– Ты что, уснула? Твой выход!

Чьи-то руки тормозили девушку, тащили, совали носовой платок.

«Танцую, беру такси и еду в больницу, – решила она про себя, идя куда-то на ватных ногах. – Если не пустят, буду до утра на лавочке сидеть... Ой, что это? Уже моя музыка... Ну, с Богом!»

Увидев зал, Варенька основательно струсила. Честно говоря, новоиспеченная стриптизерка не совсем понимала, почему менеджер так, с ходу, безо всяких колебаний рискнул выставить её сыроватый номер перед пресыщенными

гостями. Скромная студенческая работа ощущалась чем-то инородным среди избыточного шика. Все равно, что между пышных затейливых пирожных подать соленый огурец.

Но оказалось, менеджер знал, что делает. Переевшей до отрыжки всяких изысков публике, судя по всему, как раз соленого огурца для полного счастья и не хватало. (Впрочем, свеженькая стриптизерка была огурчик что надо – молоденький, упругий, соблазнительный.) Варенька поняла это, уловив, как после первых же «па» постепенно начал стихать звон вилок и бокалов, гул зала. Заинтересованность публики поощрила девушку, пришел актерский кураж: «Ага, зацепило! А я еще не то могу. Вот так! И вот так!»

«Обломный» конец номера вызвал еще большее оживление зрителей. Кто-то хохотал, кто-то с комическим сокрушением схватился за голову, кто-то со снисходительной улыбкой обменивался одобрительными репликами. А репортер «желтой» газеты почему-то торжествующе показывал всему залу большой палец.

«Ну, слава Богу, все! В больницу!» – торопилась тем временем Варенька, наконец-то оказавшись за кулисами и на ходу собирая волосы.

Но не тут-то было. Путь ей внезапно преградил вынырнувший, как из-под пола с дорогим покрытием, Челентано.

– Выйдешь еще! – приказал он.

– Как... с чем? – не поняла Варенька. – У меня нет другого номера.

– Неважно – с чем. Главное – выйди.

– Но у меня такие обстоятельства... Я не могу.

Челентано посмотрел на нее оценивающе. И оценил так:

– Получишь, как за двойной выход.

– Хорошо... – вздохнула Варенька. – Когда?

– Часа через два... Где-то перед рассветом. Вполне успеешь что-нибудь подобрать.

Когда Варенька опять появилась на эстраде, в иллюминаторах уже слегка бледнел ранний рассвет. Зал, подуставший веселиться, по мере сил затих, ожидая от свежестриптизерной звездочки очередного сюрприза. И он его получил (правда, без участия нашей героини). Да еще какой!

В иллюминаторы вдруг мощными потоками хлынула вода. Зазвенела падающая посуда, пронзительно завизжали женщины. Посетители, опрокидывая столики и оттаптывая друг другу фирменную обувь, рванулись к выходу.

Вода очень заметно прибывала. Варенька одиноко замерла на эстраде, не зная, что предпринять. Бежать вместе со всеми к выходу? В полураздетом виде? Кинуться в примерку за одеждой? Но это слишком долго. Завернуться в скатерть или какую-нибудь штору?

Лихорадочно осматриваясь по сторонам, девушка встретила взглядом со Славским-младшим. Клим, в отличие от других, не давился к выходу, а стоял столбом и наблюдал за растерянной стриптизеркой.

Когда Варенька уцепилась за него взглядом, как утопающий за соломинку, Клим решительно прохлюпал своими «гриндерсами» к эстраде, на ходу гусарским жестом сдирая с себя кожаную куртку. В этот шедевр кожевенного производства он с неожиданной для своей комплекции шустростью завернул Вареньку и, подхватив ее на руки, понес к выходу.

Когда они оказались на залитой водой палубе, там уже царила полная веселуха. До пассажиров лже-«Титаника», наконец, дошло, что потоп – это и есть тот самый сюрприз, о котором, как бы по секрету, всех предупредили. То есть в приглашениях намекалось, что посетители, не желающие рисковать, могут особо на презентации не задерживаться. Заинтригованные намеком, рисковать, конечно, захотели все. Выходит, жажда сильных ощущений стоила в этом кругу дороже, чем какой-то там – подумаешь! – фирменный прикид.

А если кто-нибудь и вздумает вдруг подать в суд за испорченные шмотки, так ведь какой из этого можно извлечь грандиозный рекламный трюк! «На презентации ночного клуба “Титаник” испорчено столько-то пиджаков от Кардена, платьев от Валентино, галстуков от Версаче, туфель от Кальяна и утеряна бриллиантовая запонка от Картье...» Эх, вот это класс, вот это, черт подери, размах! Так на заре Голливуда в рекламе вестернов восторженно перечислялось количество разбитых во время съемок стульев, бутылок и носов.

Публика, мокрая и подрастерявшая кое-какие детали сво-

их туалетов, но довольная и возбужденная, с восторженным визгом, хохотом и брызганьем перебиралась на берег. Персонал клуба заботливо помогал потерпевшим. Заранее вызванная бригада спасателей обшаривала каюты на случай, если какой-нибудь перебравший гость и вправду вздумал тонуть. На берегу уже расторопно был организован фуршет с холодными закусками, разводились костерки, подавали шампанское. Желающие могли согреться на выбор теплым пледом или водкой. Или и тем, и другим вместе.

И вот уже Варенька и Клим стояли возле яркого в утренних сумерках костерка. «Надо отдать куртку. И взять плед, что ли...», – вяло размышляла девушка.

Заметив ее движение скинуть дорогостоящую одежду, хозяин куртки протестующе махнул рукой:

– Не надо, оставь... Дарю. Между прочим, очень смотришься. Тебе кто-нибудь говорил, что ты стильная девушка?

«А почему на “ты”? – хотела поинтересоваться Варенька. – Мы на брудершафт не пили»

Но вслух сказала:

– Спасибо.

«Все-таки человек обо мне заботится. Да и старше он лет на двадцать. А куртку верну сразу, как смогу», – она твердо помнила мамины наставления, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

– Ты не хотела бы работать моделью? В моей фирме, –

продолжал делать подарки Клим, откровенно рассматривая Вареньку циничным взглядом профессионального оценщика женских прелестей. – Визитная карточка, кстати, в кармане куртки.

«Может, там еще и кошелек есть?», – разозлилась девушка, невольно ощупывая карманы чужой одежды. Ничего такого в них, слава Богу, не было.

– Благодарю, вы очень любезны. – Попыталась светски улыбнуться своему спасителю наша героиня. – Но мне сейчас надо побыть одной, извините.

И она побрела наугад вдоль берега.

Светало. Затянувшаяся вечеринка тем временем закручивала новый виток. Принявшие отрезвляющий душ представители богемных и околобогемных кругов слонялись по берегу босые, с мокрыми волосами, смытой косметикой, прилипшей одеждой и заново накачивались шампанским. Все это напоминало то ли ночь после школьного выпуска, то ли милый сердцу студенческий пикничок, а больше всего – эпизод из фильма Феллини с обожаемым мэтром налётом ирреальности. Впрочем, ненавязчивые ассоциации с эстетикой классика итальянского неореализма, вполне возможно, были умело срежиссированы организаторами водного шоу.

Солнце вставало над «Титаником», который и не думал тонуть. Имитация рекламной катастрофы оказалась эксклюзивным ноу-хау организаторов массового представления. Заранее проинструктированный персонал сновал по палу-

бам и каютам с бешеной скоростью, дабы свести к минимуму последствия рекламной кампании. Поэтому обратно в клуб пока никого не пускали.

Варенька, залитая лучами восходящего солнца, смотрела на лже-«Титаник» и размышляла, как бы ей поскорей возволить свою одежду и, при необходимости, высушить ее...

– Что значит стильная девушка, – неожиданно раздалось у нее за спиной, – смотрится в любой ситуации!

Варенька обернулась и увидела самого Славского-старшего с бокалом шампанского в руке.

«Какой аншлаг! – изумилась она. – Должно быть, я соответствую эстетическому чувству красоты в этом семействе. Где-то на генетическом уровне»

– Выпейте шампанского, – протянул бокал Станислав, – Вы совсем продрогли.

– Спасибо, на работе не пью.

– И не курите? – пошутил кутюрье. – В смысле пожарной безопасности.

– И не курю, – машинально ответила девушка.

– Гм-м... Тургеневская барышня... – озадаченно покачал головой русский Диор. – Что же вы здесь делаете?

– Деньги зарабатываю.

– Какие-то форс-мажорные обстоятельства?

– Угадали.

– Но деньги можно зарабатывать каким-то более приемлемым для вас образом.

– Например?

– Например, мне для новой коллекции как раз нужна такая вот артистичная модель. Через две недели – поездка в Париж...

«Господи, – тоскливо подумала Варенька, – ну к чему мне сейчас такие подарки судьбы? Как некстати!»

– Благодарю.

– «Благодарю» – да или «благодарю» – нет?

– Благодарю – нет.

– Но почему?

– Дело в том, что я не могу сейчас ехать в Париж. У меня муж в больнице.

– Ах, вот как... понимаю. Могу чем-то помочь? Не стесняйтесь, я всецело к вашим услугам.

– Благодарю...

– Опять – «нет»?

– Ну почему? Да! – вдруг осенило Вареньку. – Пожалуйста, помогите забрать одежду! Она на «Титанике». А то я в больницу тороплюсь.

– Конечно, как скажете. Но, я думаю, ваше платье плавает сейчас где-то брассом. Или баттерфляем, если угодно. Словом, если вы спешите, давайте я подвезу...

– В таком виде?

– Вы не дослушали. По дороге заедем в мой бутик и, думаю, сможем быстренько подобрать что-нибудь подходящее.

Заспанные дежурные медсестры в полном составе расплющили носы о больничные стекла с целью получше разглядеть картинку из красивой жизни.

Из серых рассветных сумерек на совершенно пустынной (если не считать прилепившегося у крыльца небесно-голубого «ауди») площадке перед центральным входом сгустился серебристый «мерседес». Из него выпорхнула белокурая топ-модель в блекло-зелёном платье. Вероятно, стоимость одежды тянула на то, что её сшили из стодолларовых купюр. Красотку сопровождал – ах и ах! – сам знаменитый кутюрье Станислав Славский (которого кто же не знает в лицо!) Впрочем, сопровождал только до входных дверей. Здесь он галантно поцеловал спутнице руку и ретировался с заметной неохотой.

В столь ранний час гулкие коридоры-тоннели лечебницы, освещенные холодным нереальным светом люминесцентных ламп, были совершенно пусты. Казалось, по ним бродят отрывки тревожных, бредовых сновидений больных. Попавшая навстречу Вареньке странная пара, похоже, как раз воплотилась из такого горячего сна. По коридору быстро шагали ухоженная, вся пропахшая французскими духами женщина и шкафоподобный парень, на лице которого крупными противопожарными буквами было написано несмыслимое выражение «Не лезь – убьёт!»

Никита был без сознания. С трудом верилось, что это рав-

нодушное ко всем краскам дня, опутанное трубками и проводами тело еще вчера было сильным и чутким. На лице юноши, даже не бледном, а каком-то сероватом, казалось, уже отметилось своими жуткими мазками нечто страшное и потустороннее. И это был Никита, сгусток энергии, олицетворявший саму жажду жизни...

В силу своего возраста Вареньке никогда еще не приходилось близко видеть смерть или неизлечимые страдания. Поэтому она никак не могла постигнуть жестокого предательства такой многообещающей, такой щедрой жизни. «Нет! – билась в голове одна мысль. – Нет! Нет! Нет!»

– Деньги? На операцию? – переспросил Челентано, глядя, как всегда, куда-то мимо Вареньки. – Сочувствую. Всем нам нужны деньги... И всем почему-то срочно.

Менеджер лениво подвигал челюстями, перемалывая жвачку, и процедил:

– Единственное, что могу предложить, – выступление в VIP-кабинках. Топлесс – пятьдесят баксов, обнаженка – сто. Все, как говорится, в ваших руках. Некоторые умудряются за ночь по полтора куска наколбасить. Но учтите: хотя девочки и называют такие танцы «за пять минут до секса», сам секс должен быть все-таки исключен...

В ресторанном зале «Титаника» тем временем отец и сын Славские, уютно расслабившись и потягивая мартини,

с увлечением обсуждали какие-то свои внутрикутюрьеvские дела. Обычно эти представители двух поколений отечественного модельного бизнеса не особенно стремились к обществу друг друга. Поэтому родившаяся прямо на глазах у изумленной публики традиция демонстрировать родственную приязнь, каждый день (вернее, каждую ночь) встречаясь в «Титанике», несколько озадачила всезнающую тусовку.

К столику Славских подошел официант и передал каждому из представителей славного семейства по пластиковому пакету. В одном из них лежала фирменная куртка, в другом – бледно-зеленое, словно сшитое из бумажек достоинством в сто баксов, платье. Отец и сын посмотрели сначала в пакеты, потом друг на друга – и весело расхохотались.

Варенька в кабинете Челентано молчала, опустив глаза.

– Хорошо, я согласна, – сказала она наконец.

– Ну и ладненько, – рассеянно резюмировал менеджер, набирая по сотовому очередной номер, – сегодня и приступайте.

Выйдя из кабинета, Варенька была неприятно удивлена, нос к носу столкнувшись с Климом. Кутюрье как бы ненароком загородил девушке дорогу своим тучным телом. Он явно был настроен основательно пообщаться.

– Я слышал вашу историю, – покровительственно начал воротила модельного бизнеса, – прямо страничка из Достоевского.

– Возможно, – не возражала Варенька, отметив про себя между прочим, что модельер все-таки счел нужным называть ее на «вы».

– Напрасно, напрасно вы себя так изводите, – проникновенно продолжал Клим, – уверяю, вашу проблему можно решить куда проще...

– Благодарю, – слегка перебила Варенька. – Я думаю, что сумею справиться сама.

– Ну, а если нет?

«Тогда и поговорим», – подумала Варенька, но решила не афишировать эту мысль.

– Извините, мне пора, – она аккуратно обошла Славско-го-младшего и направилась в гримерку.

Клим смотрел вслед затуманенным взором. Словно провозжал глазами не стройные ноги в колготках фирмы «Леванте», а плавно стекающий по мраморным ступеням шлейф...

Варенька сидела на кухне, гипнотически уставившись в одну, видимую только ей, точку и неумело затягиваясь сигаретой из Лолкиной пачки.

Вошла Лолка и, застав подругу за столь нетипичным для нее занятием, сочувственно осведомилась:

– Что, паскудно?

– Ох, не то слово, – не сразу отозвалась Варенька, морщась то ли от своих раздумий, то ли от сигаретного дыма. – Слушай, Лолка, я вот думаю одну мысль... Когда мы про Сонеч-

ку Мармеладову в школе проходили, точно помню, усвоила, что она была порочна телом, а душой вроде как невинна... Но разве может такое быть? Ведь душа и тело всегда вместе. Слитно. Как получится у них жить – каждый по себе? Когда душа отделяется от тела, человек умирает...

– Ну знаешь! – возмутилась подруга. – Кончай свою никому не нужную философию! Она тебя до добра не доведет. Противно, да! Но за это «противно» – какие бабки отваливают! Да в конце концов, если тебе нужно...

– Если бы было нужно мне, – перебила Варенька, – я бы лучше удавилась...

– Ах, ну как же, как же! еще больше взъерепенилась Лолка. – Русская, блин, женщина из одноименной поэмы А.Н. Некрасова! Ясное дело! «Жизнь – Родине, честь – никому»!

– Н.А. Некрасова, Николая Алексеевича, – машинально поправила Варенька. – И вообще, что ты несешь, Лолка! У тебя же каша в голове! Это совсем из другой оперы.

– Плевала я на твои оперы! – не унималась подруга. – Да, пусть у меня в голове каша! Зато ее лопать можно! Ложками! – неожиданно поднялась она до афоризма. – А с твоими операми – только подохнуть! Под них и похоронят...

Варенька помолчала, зажигая вторую сигарету. Лолка забрала у нее пачку и как могла утешила.

– Ладно, не горюй, подруга. Главное, запомни: если ты беременна, то это временно. Если не беременна – то это тоже временно.

– Все проходит... и это пройдет, – перевела на свой язык Варенька.

– Все пройдет, – замурлыкала Лолка старую, из детства, песенку, – и печаль, и радость... Все пройдет, так устроен свет...

– ...все пройдет, только верить надо, что любовь не проходит, нет... – подхватила Варенька.

Коли это так, то можно было жить дальше.

Навстречу Вареньке по больничному, ставшему к этому времени родным, коридору шла женщина с некогда красивым, но, казалось, уже навеки заплаканным лицом. Это была мать Никиты.

– Все хорошо, – сказала она, обнимая девушку, – Никите сегодня сделали операцию...

Варенька ахнула и вся обратилась в немой вопрос.

– Все хорошо, – заклинаяще повторила женщина и заплакала, привычно поднеся к глазам платок, ставший, видимо, в ее руках несменяемым атрибутом. – Операцию, главврач сказал, делал талантливый хирург. Он где-то за границей стажировался, поэтому и стоит так дорого: за учебу еще не заплатил. Слава Богу, все удачно совпало: молодой организм, травма ничем не осложнена. Говорят, после такой операции все функции должны обязательно восстановиться... Дай-то Бог...

Здесь Варенька не выдержала и тоже заплакала.

– Господи, деточка, – сказала мать Никиты, утирая девушке слезы своим платком, – где ты деньги-то такие достала, чтобы задаток заплатить? Это ж фантастика – такие деньжищи!

«Как заплатить? – ахнула про себя Варенька, при этом что-то довольно складно (актриса!) сочиняя вслух – Я же их вот только что несу... Но кто же тогда заплатил? Кто же из тех двух?!»

На какое-то время работа в ночном клубе стала для Вареньки рутинной повседневностью (вернее – повсеночностью). Львиную долю времени занимали репетиции новых номеров, поэтому в театре пришлось взять отпуск за свой счет.

Для того, чтобы составить репертуар, Вареньке сутки напролет приходилось проводить в «Титанике». Основываясь на успехе премьеры, ей совместно с тамошним режиссером удалось придумать чрезвычайно удачный имидж прелестной «динамовки», которая ловко заводит зал, но никогда, под разными предложениями, до конца не раздевается. Уловки с каждым разом изобретать было все трудней. Но девушка, зная, что это ненадолго – только день простоять да ночь продержаться – фантазию не экономила. То она танцевала с партнером ожившую индийскую фреску (которые известны своей эротичностью), то весталку в античном храме, то скром-

ницу, впервые попавшую на нудистский пляж (в окружении обнаженного кордебалета), то фантастически гибкую тигрицу, буквально выпрыгивающую из шкуры под лучами тропического солнца и убегающую, услышав выстрелы.

Номер с тигрицей Вареньке нравился. Девушка отличалась нерядовой пластичностью, поэтому еще в институте обожала изображать всякого рода и вида кошачьих.

Был еще сложный номер, который придумал режиссер, чтобы показать все таланты новоявленной стриптизерки. В нем девушка играла статистку, вообразившую себя порнозвездой. Она музицировала на рояле, пела, танцевала, при этом как бы между прочим скидывая с себя предметы туалета. Появлялись рабочие сцены, девушка пряталась в рояле, который вместе с ней укатывался за кулисы.

Казалось, такой имидж не может иметь стабильный успех, но он держался. Впрочем, режиссер любил поучать бездарных стриптизёрок: чтобы быть сексапильной, не обязательно оголяться. Эротично можно выглядеть и в скафандре космонавта. Таким образом, Варенька служила живым подтверждением творческого кредо создателя ночных шоу.

Впрочем, творческая работа, пусть на самом презренном уровне, стимулировала и вдохновляла. Подлинной же Голгофой, доводившей Вареньку до нервного истощения и стрессов, стали VIP-кабинки. Отказаться от них девушка уже не могла: именно благодаря нестандартному имиджу там ей платили особенно щедро.

Утром в гримерке она с ужасом смотрела в зеркало на себя, выжатую, вялую и потухшую. Привычным уже жестом зажигала сигарету и, прикрыв глаза, повторяла как заклинание:

– Ну, еще немножко. Еще чуть-чуть. Так надо. Я выдержу... Я выдержу...

Внимательно изучив незамутненную признаками продуктов чистоту холодильника, Лолка заглянула в хлебницу. Здесь ее взору предстала та же картина. Если не считать скрюченной в приступе хлебного радикулита черствой корочки более чем скромных размеров.

– Варька! – заорала сладкая девушка. – Ты что, вчера даже хлеб не купила?

– На какие, пардон, шиши? – пробормотала Варенька, поворачиваясь на другой бок.

– Как, а деньги от плаща оставались? – не унималась подруга.

– Купила Никите фруктов в больницу.

– У него от твоих фруктов скоро диатез будет... на одном месте, – немилосердно пообещала Лолка, пристально обследуя корочку хлеба. Внезапно со словами «А! Гулять – так гулять!» она широким жестом кинула корку шустро скачущим по подоконнику нахальным воробьям. Птички не замедлили последовать ее совету.

Раздался звонок в дверь. Лолка отправилась отпирать, на

ходу ворча: «Самим жрать нечего, еще гостей черт принес». Открыла – и ахнула. На пороге благоухал огромный куст чайных роз. Куст вплыл в прихожую и, утвердившись на тумбочке, обнаружил за собой юношу с внешностью клерка.

– Варвара Мещерская здесь живёт? – любезно осведомился он.

– Здесь, здесь, не сумлевайтесь, – заверила Лолка.

Варенька из экономии решила уйти с прежней съёмной квартиры, где они жили с Никитой, и теперь обреталась у щедро приютившей её подруги.

– Это для нее, – сообщил юноша и растворился в сгустившемся от тяжелого аромата воздухе.

– Варька! – завопила начинка для торта в глубину квартиры.

– Отстань, – послышалось оттуда. – Дай поспать!

– Варька! Тебе цветы принесли! Розы!

– Еще раз разбудишь из-за ерунды – я за себя не ручаюсь! – пообещала Варенька, швыряя в сторону кухни тапком.

– Варька! – голосила девушка-сюрприз, не обращая на угрозу абсолютно никакого внимания. – Здесь визитная карточка есть! Вот: Славский... – она присвистнула. – Это тот самый, что ли? Ну ты, мать, даешь!

Варенька не ответила. Лолка, потоптавшись возле корзины, оторвала нежный лепесток. Понюхала, пожевала и, скрипевшись, выплюнула. В сердцах вынесла вердикт:

– Лучше бы отдал колбасой.

– Жаль, жаль, что не хотите продлить контракт, – Челентано впервые за время их знакомства смотрел целенаправленно на Вареньку, а не мимо. – Ну, если что – просим, будем рады.

– Спасибо, – ответила девушка, подумав: «Не дай Бог».

Дверь деликатно приоткрылась, и в кабинет просочился господин с худощавым профессорским лицом, украшенным элегантными очками в тонкой оправе и студенческой косматой гривой седеющих волос.

Он слегка поклонился Челентано, а в Вареньку прямо-таки впился настырным взглядом. Девушке показалось, что сейчас незнакомец потребуует у неё зачётку, чтобы вклеить пару. Но лицо лжепрофессора вдруг выразило одобрение, и он сказал с акцентом:

– Я был на вашем выступление... О! Впечатление – колос-саль! Да! Как это... ши... карно!

Иностранец опустил в кресло и незамедлительно принялся обстрипывать свои грязные капиталистические делишки. Для начала он широко осклабился продемонстрировав Вареньке дорогую вставную челюсть.

– У меня к вам деловое... как это... предположение... предложение. Вот. – Здесь господин соорудил загадочную паузу, словно фокусник, делающий пассы перед тем, как продемонстрировать маленькое чудо. – Хотите сняться для

«Плейбоя»? – Этот вопрос, по его мнению, был сродни блистательному фейерверку. Варенькино же молчание пришелец оценил как потерю дара речи от счастья и продолжал поощрительно: – Вы – то, что нам нужно. Вот.

Иностранец, оказавшийся американцем, щедрым жестом протянул девушке визитную карточку.

– Благодарю. – Варенька сделала отстраняющий жест. – Я должна посоветоваться с мужем.

– О, с мужем – конечно! – с пониманием согласился гражданин Штатов, шустро вскакивая и навязчиво засовывая карточку в кармашек Вариной сумки. – Конечно, с мужем. Муж есть ваш... как это? – защелкал он пальцами.

«Хочешь сказать – сутенер», – про себя усмехнулась Варенька.

– Продюсер, – подсказал Челентано.

– Продюсер, да! – обрадовался господин.

– Нет! Он... он священник, – ляпнула Варенька первое, что пришло в голову. И подыграла сама себе, скромно потупив глаза.

Не ахти какая, прямо скажем, острота. Но ошарашенный вид профессора пикантных наук чрезвычайно веселил.

– Священник? Не совсем хорошо понял... Священник... это который церковь?

– Ну да, – кротко подтвердила Варенька.

– А... А! Шутка! – наконец дошло до труженика фривольного глянца. – Шутка?

Варенька загадочно улыбнулась и, сделав ручкой, скрылась за дверью.

Вот он и настал, наконец, этот долгожданный день! В сумочке у нашей героини лежала толстенькая пачка долларов – сумма, необходимая для окончательной уплаты за операцию.

Уже сегодня не надо идти в «Титаник» и ломать себя, перевоплощаясь в столь отвратительный для ее натуры образ. Мерзко было, но ведь смогла, выстояла, получилось! Доказала всем, что она – настоящая актриса. А главное – заработала деньги, чтобы спасти любимого!

Словом, худшее – позади, и все теперь у нее будет хорошо. Жизнь усюветится, что подвергла влюбленных такому страшному испытанию и вернет ужасно несправедливо отнятые здоровье, бесшабашность, веру в себя.

С такими мыслями Варенька распахнула дверь в палату и... застыла в изумлении.

Хотя, возможно, надо было радоваться. Потому что с первого взгляда выяснилось, что функции организма у больного явно восстанавливаются. Причем некоторые из них восстанавливались семимильными шагами.

Это было понятно из того, что в палате у Никиты почему-то оказалась та самая пропахшая французскими духами женщина в элегантном офисном костюме, которую Варенька уже как-то видела в пустом утреннем коридоре с телохранителем.

«Да она ж спонсор с телевидения! – наконец осенило Вареньку. – Которая финансировала рекламу кофе!»

Спонсорша оказалась не только в палате, но и в самой непосредственной близости от больного. Мало того, ей вдруг пришла в голову фантазия обнимать Варенькиного мужа, и объятия эти были чересчур темпераментными для больного человека.

Увы, Никита так не считал. Напротив, он отвечал гостье поцелуем, который, при всей богатой фантазии нашей героини, трудно было назвать братским.

Обернувшись на скрип двери и увидев Вареньку, женщина не спеша отстранилась от Никиты, ленивым жестом поправила прическу, хладнокровно одернула юбку. Затем спокойно поднялась, подхватила крошечную сумочку, в которую мог поместиться разве что носовой платок, слегка потрепала молодого человека по волосам и деловито сообщила:

– Ну, ребята, мне пора. Пока!

Проходя мимо Вареньки, она дружески подмигнула девушке и поделилась с заговорщической интонацией, слегка понизив голос:

– Терпеть не могу семейных, сцен!

«Ребята» молча проводили её взглядами.

Оставшись наедине с женой, Никита в первую минуту так растерялся, что лицо его пошло красными пятнами.

– Как ты мог... – только и нашла в себе силы выдать Варенька.

– Как мог... я? И ты смеешь спрашивать? – Никита быстро оправился от неловкости и понял, что лучший способ защиты – это нападение. – А ты как можешь? Думаешь, я не знаю, чем ты в ночном клубе занимаешься?!

Муж швырнул Вареньке чуть ли не в лицо газету, которая услужливо лежала рядом с ним на тумбочке. Девушка уже видела этот номер. Там, в отделе светской хроники, прозванном в богемно-тусовочных кругах «Сточной канавкой», скандальный актер-репортер тиснул-таки поганенькую заметку о восходящей порнозвезде «Титаника». О Вареньке то есть. Вот только интересно, откуда у Никиты могла оказаться эта газета? Ясно было одно: пятая колонна работала, как всегда, исправно.

– Танцуешь голая перед пьяными мужиками! – орал Никита, накручивая сам себя. – Шлюха! Проститутка!

– Опомнись, что ты несешь! – пыталась остановить его Варенька. – Я же для тебя деньги зарабатывала! На операцию!

– На операцию? Мне? – Никита заставил себя расхохотаться по всем правилам актерского мастерства. – Да знаешь ты, кто задаток за операцию заплатил? Ксения заплатила!

Он кивнул вслед ушедшей спонсорши и вдруг осекся.

Варенька обернулась, проследив за взглядом мужа. На пороге стоял... тот самый бритоголовый парень, которому она когда-то изливала душу на заднем дворе больницы. Теперь он был в чистом докторском халате, а в правой руке держал какой-то неприятно блестящий, как все медицинское, ин-

струмент, постукивая им о ладонь левой.

– Слушай, ты, Казанова недоштопаный, – глухим голо-
сом обратился к Никите этот медицинский оборотень, – жал-
ко, что лежачего не бьют. Ну, ничего, я тебя на ноги постав-
лю. Тогда объясню, кто из вас проститутка – ты или она.

Санитар, оказавшийся врачом, сделал движение к Ники-
те, показавшееся Вареньке угрожающим. Она закричала.

– Еще бабской истерики тут не хватало, – поморщился
бригоголовый и, взяв девушку за локоть, скомандовал:

– Ну-ка, пошли.

Вареньку трясло, как в ознобе, зубы стучали о край стака-
на с водой, который сунул ей вервольф в белом халате. Сам
он сидел за столом напротив и терпеливо ждал, когда девуш-
ка успокоится.

Наконец Вареньке удалось взять себя в руки. Она глубоко
вдохнула и одарила хирурга вполне безмятежно-светской
улыбкой, подумав при этом: «Мастер сказал бы: “Неплохо,
неплохо...”»

– Ах да, я же деньги принесла! За операцию, – вспомнила
девушка, с трудом высвобождая из сумочки денежный кир-
пич и помещая его на стол. – Кому отдать?

Врач, уже знакомым жестом шаря у себя по карманам,
вперился в увесистую пачку задумчивым взглядом. Хлопанье по карманам продолжилось хлопаньем дверцами и ящи-
ками стальных шкафов. Наконец эскулап извлек из мебель-

ных недр какую-то замученную сигарету и попытался заку-
рить.

– А знаешь, возьми-ка их себе, – ошарашил он вдруг де-
вушку, кивнув на деньги.

– Как – себе?! Это же за операцию...

Бритоголовый швырнул в пепельницу сигарету, оказавшу-
юся сломанной, и раздраженно воскликнул:

– Да имею я право, в конце концов, хоть одну операцию
сделать бесплатно?! Я же, блин, врач! Клятву Гиппопота-
ма... тьфу... Гиппократа давал...

– А за аппаратуру, лекарства?... Вы же сами говорили.

– Вполне хватит того, что заплатила эта телевизионная
мадам. Так что бери, пока я добрый.

– Такие деньги... – растерялась Варенька. – Да что я с ни-
ми делать буду?

– В ресторан сходишь со своим... – Лекарь кашлянул, за-
глушив готовое сорваться с языка определение. – Когда по-
миритесь.

– Помиримся?! Никогда! – вспылала благородным гне-
вом Варенька.

– Все так сначала говорят. А потом... матрасы покупают, –
пообещал хирург.

– Ну хорошо, вы – благородный человек. Я ценю ваш
порыв. Спасибо, конечно. Но лучше оставьте его для како-
го-нибудь ребенка, у нас-то уже все решилось.

– Нет, ты меня утомила! – взорвался целитель. – Мы что,

в благородство играем? Кто кого переплюнет? Решилось у нее все! Да пошутил я начет ресторана, пошутил! Твоему... гм... еще реабилитации предстоит. А это не месяц и не два. Тогда не только тряпки – шкуру с себя снимешь!

Врач помолчал, вновь машинально похлопывая себя по карманам.

– Слушай, у тебя... ах да, ты же не куришь...

Варенька молча выложила перед собеседником пачку длинных дорогих сигарет. И тут же поняла, что этого не надо было делать. Хотя бы потому, что вместе с сигаретами из кармашка сумки вытряхнулись все накопившиеся за время стриптизерства визитные карточки.

Предательские картонки аккуратным веером легли на поверхность стопа прямо перед альтруистски настроенным лекарем. Который не поленился собрать и не постеснялся внимательно прочитать тисненные золотом квадратики.

– Вот такой, значит, пасьянс, – констатировал он, недобро усмехнувшись.

– Ой, да ерунда это все, – покраснела Варенька, – выбросить надо...

– Выбрасывай, – испытующе глядя девушке в лицо, бритоголовый протянул ей кусочки картона.

Несостоявшаяся стриптизёрка схватила визитки, с наслаждением изодрала их в мелкие кусочки (порвав, таким образом, со своим тёмным прошлым как в буквальном, так и в переносном смысле) и бросила в пепельницу.

Хирургу этот темпераментный поступок явно прибавил хорошего настроения. Он с удовольствием закурил сигарету с ментолом. Но, затянувшись, сморщился и сплюнул.

– Эх ты! Богачка, а сигарет приличных не имеешь, – укорил Вареньку представитель самой гуманной профессии. – А знаешь что? Давай купим на твои тыщи пива, «Приму» и пойдем побазарим на тех ящиках?

1998 г.

«Ту–ду-ду-думм!»

Бетховен

Вот интересно, почему настоящие фанаты своего дела часто прямо-таки олицетворяют антирекламу собственной профессии. Да-да, я о том, что сапожник – без сапог. Женщины-модельеры, оказывается, толстенькие и коротконогие, по будням одеваются простенько и функционально (сама в глянцевых журналах видела). Создатель Микки Мауса Уолт Дисней боялся мышей. Первый владелец компании «Marlboro» умер от рака легких.

Я даже подозреваю, что киллеров постоянно обижают соседи: включают по ночам громкую музыку и не дают беднягам выспаться после целого дня в засаде.

Так к чему это я? К тому, что собственной персоной очень ловко вписываюсь в эту логическую цепочку: профессиональный психолог с неустроенной личной жизнью...

Мои мрачно-философские размышления прервал нетерпеливый звонок и дружный детский смех в коридоре. Через открывшуюся дверь в прихожую высыпалась кучка разнокалиберных ребятишек среднего и младшего школьного возраста.

Свежие мордахи раскраснелись от беготни, а глаза сияли азартом. И даже сопли под носом у маленьких поблескивали

отважно, как знаки боевого отличия.

«Сеem, сеem, посеваем!..» – завопили незваные гости, щедро удобряя мою свежеприбранную прихожку какой-то дрянью. Чтобы поскорее прекратить этот фольклорный беспредел, я поспешно насовала в жадно раскрытые ладошки и мешочки конфеты и железные рубли. Собрав дань, юные рэкетеры удалились с громким топотом и победными криками.

Я с грустью посмотрела вслед развесёлой ватаге. Ведь у меня мог бы быть ребенок такого примерно возраста. Но не сложилось... Вот и чувствую себя чужой на этом празднике жизни, именуемом рождественскими каникулами. Дети колядуют, молодежь гадают, да и старшие не отстают в развлечениях, в меру фантазии и наличности, конечно. Только я никуда не иду, никого не жду. Эх, позвать, что ли, как в бесшабашной юности: «Ряженный, суженый, приди ко мне ужинать!»

Кстати, тогда мы не подозревали, что это гадание считается одним из наиболее опасных: ведь в облике суженого должен был прийти чёрт-оборотень. Сумеет девушка развлечь его разговором до петушиного крика – гадание сбудется. Оробеет гадалыщица – черт утащит ее к себе. Вот страхи какие!

Однако благонравных российских барышень богопротивность гадания вовсе не останавливала. Наверное, не может наш человек без экстрима: подавай ему русскую рулетку да растопленный деньгами камин! Ну, в крайнем случае, воз-

возможность прохожему на лысину с балкона плюнуть...

Так оправдывала я свое легкомыслие, накрывая тем временем стол на две персоны и зажигая свечку. Да, в конце концов, что мне терять? У меня, в отличие от пролетариата, не только цепей, но и уз никаких нет, даже Гименя. Ну вот, всё готово. Времени-то сколько? О, уже двенадцать! Самое то для гадания! Теперь надо вздохнуть поглубже и произнести заветные слова: «Ряженный, суженый, приди ко мне ужинать!»

И тут в ночной тишине раздался отчётливый и требовательный стук... Ой! Дернувшись от испуга, я уронила свечку. Стук повторился, причём в наступившей тишине прозвучал куда более зловеще.

Чувствуя, как покрываюсь липкой испариной, я попыталась себя успокоить: ничего страшного, это кто-то из соседей. Но почему тогда не звонят, а стучат? Кстати, в каком-то фильме говорилось, что суженый должен не позвонить, а именно постучать в дверь.

Я осторожно посмотрела в глазок. Никого! Вернулась в комнату.

Опять стук.

Короче, в ближайшие два ночных часа мне было не скучно. И адреналина я нахлебалась на месяцы вперед. Время от времени в дверь принимались стучать, при этом на площадке никто не стоял, звука шагов тоже не было слышно.

Бред! И мысли бредовые. Неужели своим гаданием я раз-

будила-таки какие-то потусторонние силы? А между тем, что я такого сделала? – оправдывалась я неизвестно перед кем. Мое прошлое замужество, между прочим, тоже было связано с подобной процедурой...

...Кто жил в общежитии, знает: во время сессии там заниматься ну совершенно невозможно. Чрезмерно общительная студенческая братия по определению не может исключить из своей тотальной тусовки ни одного жителя общаги даже на пару часов.

И все же в борьбе с этим стихийным бедствием мы с соседками по комнате изобрели-таки эффективное средство: запирали дверь и открывали только на условный стук. Помогло! Девчонки успешно сдали сессию и радостные укатили домой. У меня же оставался еще один экзамен.

Сижу, значит, в гордом одиночестве, учу. Между тем тонкие стены нашей во всех отношениях далеко не монастырской обители охотно сплетничали о том, как резвятся еще не разъехавшиеся в родные пенаты соратники по «Gaudeamus». Ведь всем известно, что святки приходятся в аккурат на зимнюю сессию. А разве может пропустить такой повод для прикола народ, родивший КВН? В конце концов, я не выдержала и тоже решила поучаствовать в этом вечере, который местами сильно отдавал черным юмором.

Поставила две пустые тарелки (положить-то на них было нечего!), зажгла свечу и с замиранием сердца прошептала:

«Ряженный, суженый...»

Если я тогда не подозревала, что этим заклинанием вызываю лукавого, то перед собой-то уж точно лукавила. Ведь дверь без условного стука я в любом случае открывать не собиралась. Весь фокус в том, что был, был в тот момент в общаге человек, знавший наш пароль. И так хотелось, чтобы сей момент он данной шифровкой воспользовался!

Этим секретным агентом, этим 007 являлся не кто иной, как красавчик Макс, парень моей соседки по комнате Лариски и предмет моих глубоко тайных вздыханий. Конечно, парень подруги и всё такое. Но сердцу ведь не прикажешь...

То, что Максим еще не уехал, я знала точно: сегодня видела, его в столовой с каким-то рыжим парнем. Этот апельсиновый клоун еще мне подмигнул, нахал! Значит, ничего ещё выгляжу, не все соки из меня экзамены выпили. Ну, ряженный, суженый, приди...

И тут раздался стук! Тот самый, условный. (Кстати, для прикола мы с девчонками придумали выстукивать знаменитую бетховенскую фразу «Судьба стучится в двери»: ту-ду-ду-думм!)

Я распахнула дверь. На пороге стоял... тот самый рыжий парень.

Позже всё объяснилось очень просто. Рыжий настолько достал Макса просьбами познакомить его с приглянувшейся в столовой девушкой, то есть со мной, что мой кумир не выдержал пыток и выдал военную тайну – наш условный стук.

Короче говоря, этот Рыжий стал моим мужем. Я не смогла устоять! Да не я одна. Рыжего любили все! Он был музыкантом, говорят, очень талантливым и душой компании.

Теперь я сильно подозреваю, что мой бывший муж – это и есть Рон, рыжий друг Гарри Поттера. Просто в один ужасный день он сбежал из Хогвартса и стал неформалом. Жить рядом с этим совершенно непредсказуемым тайным магом было порой невыносимо. Но дни без него сразу становились пресными и тусклыми.

Кстати, в этом бурном замужестве мне и понадобилось образование психолога: десятки раз я вытаскивала своего непризнанного гения из запоев, больниц, из депрессий. Как в песне: «Сколько раз я спасала тебя, но ты уходишь...» Да, благоверный время от времени убегал от меня за очередной юбкой, едва прикрывавшей место, откуда растут стройные ножки. Потом возвращался, виновато скрёбся в дверь, подлизываясь, выстукивал наш пароль: ту-ду-ду-думм!

Три года назад мы расстались окончательно. После этого мой бывший перебрался в столицу и дела его постепенно пошли в гору. Теперь Рыжий пишет песни для звезд, выпускает клипы, его имя часто мелькает в светской хронике. Правда, мелькает как-то вяло. Судя по всему, парень наконец-то остепенился и не слишком радуется папарацци своими затеями.

Правда, недавно все-таки дал повод для пересудов: женился на богатой американке и укатил в Штаты. Ну, и по-

путного ветра, синяя птица. Но, хотя я и хорохорилась, признаться, никак не избавиться было от чувства горечи и фальшиво-сострадательных взглядов знакомых, которых – полгорода. Поэтому вмиг собралась и приехала сюда по первому же зову Лариски и Макса. Бывшие однокурсники открыли в этом небольшом городке центр психологической помощи и отнюдь не бедствуют. Вот и на рождественские каникулы друзья могут себе позволить отдыхать на Канарах. А я опять одна...

...Наутро, как водится, все мои ночные страхи и мрачные мысли показались совершеннейшим пустяком. Ну, как не стыдно из-за каких-то глупостей подвергать свою психику нешуточному стрессу! Впредь буду умнее.

Но вот прошли заботы дня, схлынул его шум. Тишина. Полночь.

И... опять тот же стук!

«Ну уж нет! – Поспешила я взять себя в задрожавшие мигом руки. – На этот раз не выйдет! Надо провести расследование!» Тщательно проведенное дознание показало: стучали не в дверь, а в соседнюю стенку, граничащую с моей прихожей. Впрочем, в том, что я давеча обозналась, не было ничего удивительного: акустика в нашем доме, как и во многих панельных домах, весьма своеобразная. А если ещё учесть моё вчерашнее состояние...

Дверь соседней квартиры открыл пожилой мужик в заса-

ленной футболке и классически вытянутых на коленках трениках, с каким-то странным тяжелым взглядом.

«Пьяный в доску!» – определила я и залепетала:

– У вас тут что-то все время стучит...

– Что? – мужик посмотрел на меня невидящими глазами.

– Стучит у вас...

– У меня? – изумился мужик. – Где?

И отступил, пропуская меня в свою «крепость».

Квартира оказалась странной, под стать хозяину. На еще недавно уютном и с любовью подобранном интерьере лежала явная печать упадка и запустения: липкий пол, необустроенная постель с несвежим бельём, кислый, насквозь прокуренный воздух.

Однако следов пьянки или других безобразий не наблюдалось. Так что в этом затхлом воздухе мой профессиональный нюх учуял нешуточные проблемы. Вполне может быть, что стук был следствием того, что хозяин вбивал в стенку гвоздик... с целью повеситься.

Человека, находящегося в подобном состоянии, не надо ни о чем расспрашивать, а тем более утешать – это может только усугубить ситуацию. Его надо отвлечь. Что я и попыталась сделать, жалобно заканючив:

– Ой, вы знаете, в подъезде все время что-то стучит... Я так боюсь... Проводите меня, пожалуйста.

Мужик опять изумился, но просьбу выполнил. По дороге мы подобрали подкинутого кем-то на нашу площадку жа-

лобно мяукающего котёнка. Признаюсь, это тоже было частью методики: переключить внимание депрессивного человека с собственных проблем на горести еще более несчастного существа.

Культпоход органично перетёк в чаепитие на моей кухне. Здесь Артём (так представился сосед) несколько расслабился и рассказал свою печальную историю. Год назад в автокатастрофе погибли его жена и маленькая дочурка. С тех пор Артём никак не может оправиться от горя.

Особенно черная тоска накатывает по праздникам, когда память с садистской услужливостью подсовывает картины прежней идиллии. Дело дошло до того, что сосед купил американскую игрушку – мячик на резинке «йо-йо» и во время бессонницы, «чтобы не свихнуться», просто тупо бросает его о стену.

Ага, вот и выяснилась истинная причина мистического стука. Но теперь это было уже неважно. Важно и интересно сейчас было вывести соседа из опасного состояния. Кстати, при ближайшем рассмотрении Артём оказался вовсе не стариком, а примерно моим ровесником.

Но первый пункт программы провалился: соседу не удалось впарить котёнка. Он откровенно признался, что кошек с детства терпеть не может.

Но нет худа без добра. Подкидыш стал поводом для наших дальнейших контактов. На следующий день, когда я пыталась прибить к дверному косяку когтеточку для усыновлён-

ного потребителя «Вискаса», появился Артём.

– Девушка, что это у вас тут всё время стучит? – хитро улыбнулся он.

Улыбнулся! Ура!

Артём стал приходить каждый день под предлогом доставки кошачьих консервов и разных штучек для нашего общего питомца. В свою очередь, я втайне считала соседа своим подопечным и незаметно, потихонечку-полегонечку, применяла к нему методику реабилитации. Получалось! Парень возрождался и хорошел прямо на глазах.

«Ай да я! Всего-то за неделю – и такие успехи! – мысленно аплодировала я себе, как-то спеша с работы. – Как за неделю? Да, неделя прошла... Сегодня же старый Новый год!»

У подъезда я увидела Артёма и залюбовалась. Красавец! А улыбка – чистый Голливуд!

Но тут вдруг из подъехавшей иномарки выпорхнула холёная дамочка в длинном манто и заблокировала Артема, перехватив эту по праву принадлежащую мне улыбку. Серой мышкой я незаметно проскользнула мимо «сладкой парочки». Ну, и катись со своей дамочкой на все четыре стороны! Попутного ветра, синяя птица!

Нет, ну вот почему так: тратишь на некоторых свои нервы, силы, время, а они... Гадят под ёлкой за пять минут до Нового года (пусть и старого)! Последнее относилось к котёнку, который не только напустил под лесной красавицей щедрую

лужу, но и аккуратно поместил в эту лужу кончики проводов от собственноручно перегрызенной гирлянды.

И тут, конечно, звонок. С вонючей тряпкой в руках я поплелась открывать. На пороге стоял сияющий Артём с джентльменским новогодним набором – тортом и шампанским.

– Извини, что поздно, пришлось ездить по делам. Но ведь мы ещё успеем встретить Новый год, правда? А почему это у тебя ёлка не горит?

– Нет! – заорала я, но было уже поздно.

Треск, искры – и свет погас. Я стала пробираться к дверям: надо же было как-то разобраться с пробками. Но в темноте почему-то наткнулась на руки Артёма. Интуиция подсказала, что следующим, на что я наткнусь, будут его губы...

И тут раздался стук в дверь. Тот самый, условный, который ни с чем не спутаешь:

ТУ-ДУ-ДУ-ДУММ!

Ты у себя одна

Женщины! И дамы гоже! Только для вас! Сплошной эксклюзив! Сплошное омоложение! Напрасно вы, дама, отворачиваетесь. Вот посмотрите на меня. Да вы ближе, ближе посмотрите. Ну, как кожа, а? Обратите внимание – пользуюсь исключительно вот этой вот серией. Между нами, девочками: сколько бы вы мне лет дали? Девушка за компьютером, причём здесь «десять без права переписки»? Я о возрасте, а не о том, на что вы намекаете. Ну, так сколько? Ха-ха! Ровно на червончик и ошиблись. Не верите? Смотрите паспорт. Вот вам и «ого»! Угадали, документ всегда с собой ношу. Я ж сама себе реклама ходячая. Так что плохого не посоветую.

Вижу, у вас, женщина, кожа жирная, вам скраб подойдет. А вам, дама, надо брать в комплекте крем, пенку и тоник. Да разве ж это дорого? Вы ж у себя одна! Да муж больше пропьет! Как нет мужа?.. Ну, тогда тем более. Тогда, на всякий пожарный, советую взять ещё и вот это. Эффект – убиться и не жить! Не надо, девушка, хихикать. Я в хорошем смысле. «Экспресс-лифтинг». Мгновенное омоложение. Правда, всего на двадцать четыре часа. Ну, да, за двадцать четыре часа, как в том анекдоте, можно Америке войну объявить и в плен сдать. Иначе как же туда попадешь, чтоб красивой жизнью пожить.

Кстати, американки, говорят, этим «Экспресс-лифтин-

гом» для устройства на работу пользуются. Пришла – персик, шеф сразу – хоп! – взял секретаршей. Неважно, что на завтра – Баба-Яга, контракт-то уже подписан! Ну, а русские женщины его для других целей покупают...

Вот я вам случай расскажу про этот самый «Экспресс-лифтинг». История – убиться и не жить! Бразильский сериал отдыхает! Короче, дело так было: мою знакомую муж бросил. К молоденькой секретутке-персику сбежал. Ну, история знакомая. Кстати, в той же Америке, если мужик решил дёру дать, изволь заплатить законной супруге кругленькую сумму. За моральный ущерб. То есть за то, что она на тебя, извините, козла, лучшие годы жизни потратила. Ну, а у нас достаточно просто промекать: «Прости, дорогая. Так получилось». Нет, каков еще нахал: «Дорогая!» И это после того, как дешёво отделался!

Ну, а «дорогая», то есть подруга моя Алёна, конечно, в полном ауте. Лежит на диване, вся в соплях, вся в слезах, распухшим носом к стенке. А на стенке весёленький такой календарь. А на календаре том – море, белый пароход и загорелые красавцы радуются жизни.

Ну, я подруге и говорю: «Брось, – говорю, – убиваться. Не все же мужики окончательные козлы. Найдёшь ещё ты, – говорю, – Алёнушка, своего Иванушку. – И ногтем по белозубому календарному красавцу щёлкаю. – Съезди вон хоть в круиз, развейся»

Сказано – сделано. Путевку купили – на последние, между

прочим, деньги. Стали подругу в круиз собирать. Как все запущено оказалось. Нет, фигурка у нее девичья сохранилась, аж завидно. Это всё потому, что не рожала: сначала муж детей не хотел (я ж говорю, парнокопытное!), а потом уж и не получилось. А вот лицо, шея – то, что бабский возраст как раз и выдает... Короче, невооружённым глазом было видно – женщина свято верит, что кремом удобряют только торты. Алёна ж не работала (опять же благоверный запретил) выпендриваться вроде как не перед кем. Зато каждый день мужу – белую рубашку, кофе чуть ли не в постель тащит, тосты джемом намазывает. Убиться и не жить! Это я теперь уже в плохом смысле. А собственную мордашку лишний раз кремом намазать у неё, видите ли, рука не поднималась. И вот вам результат: кожа такая, что дубленки в «Снежной королеве» отдыхают.

Короче! Вручила я ей на манер флага в руки «Экспресс-лифтинг» – и вперёд! На пароход! А дальше всё как по маслу пошло. В первые же дни Алёна удачно подзагорела, волшебным кремом, как я научила, намазалась – и стала выглядеть на все сто! Напрасно, девушка, хихикаете, во все не на сто лет! А совсем, совсем даже наоборот. Судите сами. Прямо на третий день, как в сказке, встал перед ней, как лист перед травой, Иванушка Интернешнл! Пусть не в рифму, зато симпатичный. Я ж говорю, фирма гарантирует!

Вот тут, бабоньки, держитесь за стулья. Потому как от изумления моя подруга не смогла с трёх раз угадать, куда

этот мачо ей больше годится: то ли в поздние сыновья, то ли в ранние внуки. Ей-Богу, не вру! Убиться и не жить! Ну, Алёна по своей совковой замшелости, конечно, от этого киндерсюрприза сначала здорово шарахнулась. Чуть за борт не свалилась. А потом видит: других-то вариантов нет. Остальные мужики видно молодого соперника испугались – даже близко не подходят. Это ж надо было так удачно замаскироваться и всех запутать, что Штирлиц отдыхает! А время между тем идёт. И деньги на путевку затрачены. И крем (не дешёвый, между прочим) убывает. Да, чуть не забыла! Этим кремом часто пользоваться нельзя. Но, как говорится, если очень хочется, то можно.

Короче, решила Алёна: а чем я хуже Аллы Пугачевой?! Штас спую! Ну, от пения она, слава Богу, воздержалась. А то бы, между нами говоря, вся рыба... Какое там море?.. Средиземное, говорите, дама?.. Так вот, вся рыба в Средиземном море передохла бы. А вот насчёт остального всё ж-таки не воздержалась подруга и заветам всенародно любимой певицы последовала. В том смысле, что «не расстанусь с комсомолом, буду вечно с молодым». Ну, я за неё только рада. Почувствовала в кои-то веки баба себя звездой. Получила своих Филю с Максом в одном флаконе. И всё, обратите внимание, благодаря моим рекомендациям.

Не обошлось, правда, без анекдота. Как-то после особо бурной ночи просыпается Алёна не в своей, а, сам понимае-те, в чьей каюте. И с ужасом вспоминает, что забыла вчера

чудодейственным кремом намазаться. А он, как мы помним, только двадцать четыре часа действует. Тут и Иванушка Интернешнл, как назло, глазки продрал. И вопрошает изумлённо: «Что с тобой, дорогая?!»

Алёна в зеркало глянула – убиться и не жить! Так и постарела лет на 20, то есть к своему натуральному возрасту приблизилась. Тут она, не будь дура, заверещала, что это у неё аллергия то ли на клубнику со сливками, то ли на ананасы в шампанском. И по-быстрому шась в свою каюту – оплошность исправлять. Как говорится, и смех, и грех. Ну, да кто из нас не без греха. Вон, даже девушка за компьютером со мной, наконец, согласилась. Ну, надо же.

Короче, рано или поздно закончился этот круиз. А вместе с ним и сказка. И деньги, между прочим, тоже закончились. И вот сидит моя подруга опять в растрёпанных чувствах, объявления о приеме на работу читает. Все мимо, сами понимаете. У нас же не Америка, у нас капитализм исключительно дикий. Что, девушка, говорите? Можно подумать, в Америке капитализм дрессированный и домашний? Не знаю уж, думайте, что хотите. Только на собственной шкуре испытала: у нас хоть с темечка до пяток разными кремами в три слоя законопаться, а если бабе за сороковник, да без хорошей специальности – фиг вам!

А тут еще муж позвонил, нашел время, козёл! Алёнка-то сначала обрадовалась, думала, мириться будет. Щас! Я, говорит, то-то и то-то забыл. Приготовь – приеду, заберу. Ну,

подруга чемодан собирает, а сама, как водится, ревмя ревет – опять кругом обломы! Никому она, как ни крути, не нужна!

Вот уже и звонок в дверь, а у неё морда распухла, и глаза ярко-розовыми стали. Ну, какие, между нами, девочками, говоря, чувства может вызвать баба в подобном состоянии у благополучного мужика? Правильно, женщина: жалость. В точку, дама: брезгливую к тому же. И тут Алёнку злость взяла. Согласна с вами, девушка: ну, наконец-то! Ну, уж нет, решила подруга, врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»! Шмыг в ванную и по-быстрому густую косметическую маску на распухшую физиономию наложилла. Чтоб, значит, все это безобразие начисто скрыть. Кстати, всем рекомендую, для любой кожи подходит. Она на вид ярко-зелёная, как в том американском фильме, кстати, тоже «Маска» называется. Но вы не пугайтесь, потом эффект – убиться и не жить! Я в хорошем смысле, конечно.

Так вот, открывает Алёна в этой ярко-зелёной маске дверь, а там... Готовы, как говорит Задорнов? А там – Филля и Макс в одном флаконе! То есть, как это, откуда их так много? Женщина, какая вы непонятливая! Один там парень был, один! Иванушка с парохода. Киндерсюрприз, словом. Увидел Алёнушку и расцвел, как те цветочки, что он в руках держал. «Любимая, – говорит, – ты, как всегда, прекрасно выглядишь!»

Пока Алёна соображала, откуда Иванушка Интернешнл ее адрес достал, он без приглашения шустро так в квартиру

просочился. Только куртку снял, только букет даме протянул, как является... Угадайте с трёх раз, кто?.. Правильно, муж. Пятёрка вам за сообразительность. Дверь, между прочим, своим ключом открыл. И сразу почувствовал себя козлом. Потому что рога на голове ощутил, конкретные, увесистые и даже развесистые. Ведь мужики, ясное дело, как устроены: им всё можно, а если жена изменит – это трагедия. Что, дама, говорите? Слово «трагедия» с древнегреческого на самом деле как «песнь козлов» переводится? Ну, это вы прям в десятку.

Правильно, затянул он тут свою козлиную песню. «Я, дескать, только из дома, а ты уже...» Представьте, тут моя Алёна, которая пять минут назад жаждала всеми силами благоверного удержать, а Иванушку, наоборот, выставить, пока мистификация не раскрылась... Так вот, Алена вдруг из вредности мужу и заявляет: «Бери, мол, чемодан и валяй отсюда! Не мешай мне личную жизнь устраивать!»

А киндерсюрприз ее в простодушии и поддержал: «Правильно, гони его! Зачем тебе такой старый!» – «Как?! – взбрыкнул ко... то есть, муж. – Я старый?! Да я ее моложе на три месяца!» – «Как?!» – теперь уже у Иванушки челюсть о паркет бумкнула вместе с цветочками. А муж обрадовался, что соперника морально нокаутировал и на жену переключился: «Ах, ты такая-рассякая! Уже мальчишкам голову морочишь!» Ну, та, конечно, за словом в карман не полезла. «Чья бы корова мычала! – отвечает. – Беги лучше своей Ло-

литке памперсы поменяй!» Короче, слово за слово, как и водится в семейном скандале, перешли супруги на швыряние друг в друга предметами. Причём у мужа подходящие предметы как-то быстро закончились, а у жены почему-то все никак не убывают. Больше того! Откуда-то тарелки, ложки и даже детали мясорубки появились.

Оказалось что? Оказалось, киндерсюрприз – он сюрприз и есть. Вместо того, чтобы восвояси под шумок убраться, он мухой на кухню сгонял и теперь всю эту посуду Алене ловко в руки подсовывает. Муж первый перевес по ту сторону баррикад обнаружил и на Иванушку выверился. «Пошёл вон!» – заорал. А молодой нахал ему и отвечает: «Только после вас!» И ручкой такой приглашающий жест делает. Что касается Алёны, она приняла нестандартное решение и рявкнула командирским голосом: «А ну, оба вон пошли!» Только мужики ее приказу не подчинились. Посмотрели друг на друга выжидательно и застыли нерушимо, как кремлёвские курсанты на посту номер один.

Тогда Алена схватила чемодан мужа, схватила куртку Фили, схватила пакет Макса... Тьфу ты! Короче, вещи киндерсюрприза схватила и все это на лестничную площадку со психу выбросила. У Иванушки-то в пакете шампанское оказалось – как же, на свидание человек шёл. Вот оно от удара и взорвалось. Даже соседи из квартир повысыпали. А так-то нынешних соседей ничем из квартир не выманишь, разве что угрозой терроризма. Нечего делать, мужики тоже на

лестницу кинулись – шмотки свои спасать.

Ну, Алёна дверь за ними быстренько захлопнула. «Уфф!» – по лбу рукой провела. Да так и застыла. Убиться и не жить! Это выходит, она все страсти бразильские в ярко-зелёной косметической маске разыгрывала?!

Бросилась подруга в ванную, всю импортную зелёнку с себя соскребла. Хотя какой смысл, надо уж было до конца держать, а не переводить зря дорогую косметику. Но маска все-таки подействовать успела. Я ж говорю, отличная вещь, берите – не пожалеете. Вот и Алёна, аж прям засмотрелась на себя в зеркало. Стоит мордашкой своей любитесь, пофиг, что кавалеры в дверь колотят и в звонок звенят.

И что вы думаете? Приходят к подруге такие мысли. Какая я, дескать, душечка, какая лапочка. И симпатичная-то я, и выгляжу молодо, и темпераменту – хоть отбавляй. Короче, энергия жизни бьет ключом. Какой отсюда вывод, угадайте с трех раз? И не угадали! Вывод такой сделала Алёна: а не открыть ли мне своё дело? По распространению фирменной косметики, например?

И только она так подумала... А?.. Что? Уже?.. Ой, женщины... И дамы тоже! Извиняюсь, машина меня ждёт. Так что давайте быстренько определимся. Значит, вы этот крем берёте? И этот тоже? Правильно, не сомневайтесь. Я ж плохого не посоветую.

Ну, до свиданья. Желаю, чтоб все мужики ваши были. А что Алёна?.. А, да... Недавно свой бутик открыла по прода-

же косметики. Я вот у нее в дилерах бегаю. Замуж, между прочим, собирается. За кого? Ну, это в следующий раз расскажу. Заодно новую эксклюзивную серию товара привезу. А вообще, между нами, девочками, говоря, косметика – это не главное. Главное, помнить: ты у себя одна.

Бразильский сериал отдыхает

Продвинутая писательница-феминистка Мария Арбатова в одной статье высказала мысль, что в наши дни всех россиян объединяет исключительно две вещи: бразильские сериалы и курс доллара.

А если я бразильские сериалы принципиально не смотрю? И курс враждебной для бывшего советского человека зеленой купюры мне до лампочки Ильича? Потому как у нас дома из зелени – только цветочки. Да и те на обоях. И что тогда выходит: меня с советским... тьфу ты, российским народом ничто-таки не объединяет?

Подумала и решила: объединяет. Знаете что? Всех россиян сплачивает привычка к абстрактности нашего сегодняшнего бытия. Проще говоря, к родимому бардаку. То есть то, что для всяких там латиносов – экстрим, для нас – рутина и повседневность. Да на отечественных сермяжных просторах каждый, почитай, день такие истории случаются – бразильский сериал просто отдыхает! А курс доллара надает. В обморок.

Да что далеко ходить. Возьмем, к примеру, нашего соседа. Он сюда недавно приехал, одно предприятие из соседнего города переманило, как классного специалиста по компьютерам. А на нашей лестничной площадке в аккурат квартира пустовала. Хозяева уже несколько лет как съехали, никто

не живет и квартплату, соответственно, не вносит. По новому жилищному законодательству городские власти вроде как имеют право такое выморочное жилье за долги в свою пользу конфисковать. Дело это муторное, но, как говорится, лиха беда начало. Вот и поселили этого самого специалиста в такую тухлую квартирку.

Ну, всё ничего поначалу-то было, обжился парень, его, кстати, Петром зовут. С соседями, то есть с нами, подружился. Только появление в доме одинокого да симпатичного мужчины не прошло незамеченным для некоторых озабоченных дамочек. Так что очень скоро на пороге его провинциального разлива пентхауза возникла жгучая брюнетка, вся в звякающих золотых украшениях.

«Ах, – говорит, – извините. Ваше письмо случайно в мой почтовый ящик бросили. Возьмите, пожалуйста»

Здесь надо две вещи пояснить. Во-первых, девочка-почтальонка, что наш дом обслуживает – это отдельный разговор. Мало того, что сия пофигистка разносит корреспонденцию в лучшем случае раз в неделю. Так она ещё постоянно путает ящики, а отдельные номера разных там «СПИД-инфо» и «Мурзилки» бесследно исчезают из ее сумки, не дойдя до подписчика. На бесконечные жалобы жильцов начальница почты неизменно отвечает, что, мол, мало нынче дураков за копейки тяжеленную сумку таскать и ничего тут не поделаешь. А особенно нервным советует завести свой абонентский ящик. Её послушать, так мы ещё и приплачивать

этой безалаберной письмоносице должны, а то, глядишь, и вовсе без почты останемся.

Второе. Эта Розка из третьей квартиры, по прозвищу «Дикая Роза», – всем известная стерва. Своего не упустит, а чужого – тем более. Если уж на какого парня глаз положила, наизнанку вывернется, землю с небом сведет, а в постель к себе мужика затянет. Поэтому личная жизнь у Дикой Розы бьет ключом – то замужем она, то беременна. Причем то, что два этих обстоятельства редко совпадают, нисколько не смущает сию даму без камелий. На момент появления в нашем доме Петра Роза томно скучала в одиночестве. Поэтому и вцепилась в новичка, как степлер в офисную бумагу.

Вот только, по моим наблюдениям, Петр явно не пришел в восторг от гипертрофированного внимания брюнетистой красотки. Я так думаю, что она совсем даже не в его вкусе. Другая бы на ее месте отступила, но Дикая Роза на любовном фронте всегда сражается до последней крупинцы пороха в пороховницах. Вижу, обложила она объект по всем правилам осадного искусства. И, похоже, объятая пламенем чужой страсти, под жестоким прицельным обстрелом кокетливых глазок, неприступная крепость, то есть Петр, уже готова была пасть. Но...

Впрочем, дальнейшие события происходили без меня. Дело в том, что мы с мужем как раз в это время уезжали в отпуск (разумеется, родное предприятие разрешило моему благоверному отдыхать не как всем белым людям, а в янва-

ре). Соседу на сохранность мы оставили самое дорогое, что у нас есть – персидскую кошку. Поэтому основную часть истории, вернее, love-story, я получила в качестве приложения к своей благополучно возвращенной мурке, которая... Впрочем, обо всём но порядку.

Итак, похоже, что неприступная крепость в лице Петра под бешеным натиском Дикой Розы уже готовилась выкинуть белый флаг. Но тут вдруг торжественно и судьбоносно, как призрак замка Морресвиль, явилась хозяйка жилплощади. Вернее, не сама хозяйка, а ее дочь. Она, видите ли, с мужем в пух и прах разругалась, вспомнила про мамочкину квартиру и со психу рванула сюда.

Тут скандал, конечно, до потолка, теперь уже черт знает – в чьих апартаментах. Женщина кричит: «Это моей мамы квартира, а вы неизвестно кто! Убирайтесь вон!» На что Петр ей возражает: «Извините, это вы неизвестно кто, я здесь прописан. И никуда не уйду!» Ну, поорали – поорали, а до драки всё ж-таки дело не дошло, интеллигентные вроде как люди. Каждый подал заявление в соответствующие инстанции, а пока суд да дело, стали оба претендента на спорную жилплощадь жить в двушке бок о бок, как в коммуналке.

А когда первоначальный боевой пыл угас, разглядел Петр, что эта приезжая хабалка очень даже ничего себе. Свеженькая, симпатичная. И совсем не такая уж наглая, а, напротив, – лирическая, загадочная и затуманенная. Короче, хре-

стоматийная Просто Мария.

Вот наш Дон Педро, Петр, то есть, не будь дурак, решил воспользоваться ситуацией и начал к невольной соседке осторожненько так клинья подбивать. Но добропорядочная Просто Мария, как ей и положено, пресекла таковые происки на корню. Я, дескать, не такая, я жду трамвая. То есть решения суда, чтобы тебя, наглеца, выселить. Скорей бы уж.

А Педро, наоборот, мечтать стал: подольше бы вся эта судебная волокита продлилась. Потому как после отлупа, который Просто Мария ему учинила, запал на нее не по-детски и расставаться ну никак не хотел.

Тут в кадре появилась Дикая Роза. Представшая ее глазам мелодраматическая мизансцена жутко девушке не понравилась, и она попробовала изменить ее силовыми методами. Даже прическу Марии попортила, да только без толку, сама же себе хуже сделала. Петр, всего пару дней назад жаждавший порвать незваную гостью на мелкие кусочки, теперь храбро закрыл ее своей широкой грудью. А Розке сказал, что и раньше не очень-то ее в гости звал, а теперь и вовсе шла бы она лесом.

И что вы думаете, пошла? Ха-ха! Не вырос ещё тот лес! Но вывод сделала: тактику надо менять. Вопрос: как? И попался ей тут на глаза номер «СПИД-инфо»... Нет, так-то Розка только свой пейджер читает, да и то под настроение. А тут чужую газету ей в ящик сунули – не пропадать же халявному добру. Пришлось уродоваться, от корки до корки изучать. И

наткнулась там Дикая Роза на рекламу некоей ведуньи Анны Сириной. Которая за весьма разумную плату предлагала выслать лицензированное зелье для отворотов-приворотов разной степени сложности. Гарантия 100%.

«Вот оно, самое то!» – возликовала интриганка и денежки Анне Сириной незамедлительно выслала. Довольно скоро получила она обещанное зелье с инструкцией по применению в придачу. А в бумажке говорилось, что данный продукт должны употребить и зазноба, и злодейка-разлучница, и объект соперничества одновременно. Причем растворить его надо непременно в красном вине, так как этот солнечный напиток олицетворяет горячую кровь влюбленных.

Нет проблем! Во всяком случае, для Дикой Розы. Она не стала даже разбираться, кто в данной ситуации зазноба, а кто злодейка-разлучница. Какая разница! Главное, комплект налицо. Купила Розка первое попавшееся красное вино, фрукты и беззастенчиво заявила в квартиру номер 13. И там на голубом глазу медовеньким голосом запела: «Ну, простите, ребята, погорячилась я тогда. Хочу с вами дружить – и всё! Давайте мириться. За это и выпьем».

Просто Мария и Дон Педро дружить с Дикой Розой вовсе не хотели, но очень скоро поняли, что легче будет с ней сообразить на троих, чем объяснить, почему они этого делать категорически не желают. Ну, сели, выпили. Вечеринка получилась довольно кислой и унылой. Да Розке-то что! Она свое дело сделала – зелье сотрапезникам в стаканы лав-

ко подмешала.

На следующий день прибежала, язык на плечо, на результаты поглядеть. А результаты такие. У Педро и Просто Марии лица стали цветом что тот пресловутый доллар, который в обморок упал. Оба за головы держатся и в унисон стонут. «Ой, что вчера пили? Ой, что вчера было? Ничего не помним! Надо было столько на грудь принять!»

«Что-то не то получилось, – с досадой подумала злодейка. – Но может для начала так и надо? Посмотрим, что будет дальше».

А дальше ничего и не было. То есть подопытные отделались небольшой амнезией, начисто забыв, что же произошло в тот злополучный вечер. Оно и понятно, какая нынче мелодрама без амнезии. Кстати, ничего потустороннего в подобном форс-мажоре нет. Теряют же люди память при сотрясении головного мозга, например.

Разъяренная интриганка накатала Анне Сириной послание, где понесла мага и целительницу по всем кочкам ее колдовского болота, а также требовала вернуть деньги и ещё приплатить за моральный ущерб. Однако месяц почти прошел, а чародейка всё хранила таинственное молчание.

Зато Просто Мария ни с того ни с сего закатила Дону Педро грандиозную истерику. «Я беременна! – кричала она, – а всё ты, ты! Я давно подозревала, что в тот вечер ты воспользовался моим беспомощным положением – и вот результата-а-а... Подлец! А-а-а! У-у-у!»

Сам-то парень с удовольствием припомнил бы факт соблазнения. Но, что обидно, как ни напрягал память, злополучный вечер зиял черным провалом.

Тут вмещалась Дикая Роза: «Дура! Да от мужа ты беременна! Просто обнаружила поздно!»

«Не-е-ет! – заливалась слезами Просто Мария. – Мы с мужем пять лет прожили, а детей не было. Из-за этого и разошлись-и-ись! О-о-о! Ы-ы-ы!»

«Да ты сходи хоть к врачу проверься, истеричка!» От столь пикантного поворота событий Розка бесновалась так, что было не понятно, кто здесь истеричка на самом деле.

Легко сказать – сходи к врачу! В больнице Просто Марию категорически отказывались записывать на приём, поскольку потенциальная мамаша не могла предъявить медицинский полис местного образца. Для посещения же кабинета частного врача, как известно, требуется наличие энной суммы денег, которые у Просто Марии начисто отсутствовали.

Дело в том, что на приличную работу не нашу Машу брать не хотели опять же по причине отсутствия прописки, а на абы какую она и сама не рвалась. От дензнаков, которые подсовывал гипотетический отец гипотетического ребенка опять же гипотетическая мать отнекивалась – гордая очень, как и подобает классической Просто Марии.

Видя, что у влюбленного Дона Педро крышу совсем снесло, и он, как честный человек, вот-вот потащит Просто Ма-

рию под венец, коварная Дикая Роза решила пойти ва-банк.

«Это вы с Машкой ничего не помните, потому что напились в тот вечер, как сопливые подростки на дискотеке, – нагло заявила она Дону Педро. – Я же, как приличная девушка, лишь чуть-чуть пригубила. Поэтому точно знаю, как дело было. Так вот, слушай. Не было у тебя с Маруськой ничего, однозначно. И про беременность она всё врет. А вот у нас с тобой, дорогой, случилась незабываемая ночь! О, ты был супер! После такой ночи я не могла не забеременеть. И чувствую, милый, что это двойня»...

«Не верю! – темпераментно, как Станиславский на генеральной репетиции, возопил Дон Педро. Но тут же попытался взять себя в руки: – Спокойно, Петя! Это ещё не самый тяжелый случай».

И накликал. Зловредный случай пожелал стать ещё более тяжелым.

Приехал муж Просто Марии. С намерением вернуть беглую супругу в лоно семьи. Но, увидев, что она беззастенчиво проживает под одним потолком с одиноким молодым мужчиной, мгновенно про благородное намерение забыл. Его монолог по поводу открывшейся ситуации приводить здесь нет смысла – всё равно цензура не пропустит. В самый разгар обличительной речи мнимого рогоносца на пороге появилась зловредная Розка.

«Как вам не стыдно! Так оскорблять беременную женщину!» – с наслаждением подставила она свою соперницу.

«Она ещё и беременная!» – тут благоверный на бедную Машу с кулаками кинулся.

Ну, Дон Педро возлюбленную, как водится, своей широкой грудью закрыл. Похоже, в их доме это уже становилось традицией. А беспутная Розка и вовсе на Машином муже с видимым удовольствием повисла, якобы блокируя его боевые конечности. Да так и зависла там, как компьютер перегруженный.

Тут Дон Педро Дикую Розу, аромат которой только что на дух не переносил, к прищельцу взревновал.

«Дорогая, – вразумлял он, отдирая эту липучку от чужого мужа. – Тебе вредно волноваться. Это может плохо отразиться на здоровье наших будущих близнецов».

«Да у вас здесь целый притон! – воскликнул муж Марии. – Куда я попал!»

И кинулся спасаться бегством из гнезда разврата, на прощание так хлопнув дверью, что с кухонного стола свалилась моя кошка, уже под шумок умявшая котлеты и принявшаяся за соленые огурцы, который милосердный Дон Педро купил для всех беременных.

Просто Мария, как и положено трепетной натуре, прорыдала всю ночь. На другой день она заложила в ломбард последнее колечко и пошла-таки, наконец, к частному врачу.

«Нет у вас никакой беременности, – порадовал её эскулап. – А задержка – результат нервного срыва».

Вы думаете, эта страдалица возликовала? Как бы не так!

Вернувшись домой, она принялась со свежими силами лить слезы из прекрасных глаз: «Мало того, что без мужа осталась! Так ещё и родить не могу! Проживу всю жизнь одна, как сиротинушка-а-а...»

«Ну почему одна, – попробовал вразумить ее Петр. – Во-первых, выходи за меня замуж. Во-вторых, это у тебя с прежним мужем насчет детей не получалось. А со мной получится – сто пудов! Не сомневайся. Можем прямо сейчас и начать».

«Ах, что ты такое говоришь! – возмутилась благодетельная Просто Мария. – У меня муж законный есть. К нему и поеду. Кстати, вещи уже собрала». Здесь она выволокла в прихожую свой здоровенный чемодан.

«Всё отношения выясняете? – возникла на пороге Дикая Роза, внося с собой явный букет гадостей в виде стопки писем. – А я вашу почту принесла».

Петр открыл первое послание и прочитал: «Мария! Пишу тебе не для того, чтобы возобновить... Маш, да это тебе. На, держи. Так, а здесь что? Какое-то зелье приворотное... Оказывается, его надо было не в красном, а в белом вине растворять... Потому как оно олицетворяет белые бессонные ночи всех влюбленных... Гм-м... Секретарша инструкции перепутала, она тоже человек, хотя у чародейки служит... Поэтому клиенты память и потеряли... С приветом Анна Сирина какая-то... Так, я не понял, кто из нас с приветом?! – осеняемый смутной догадкой, Дон Педро угрожающе двинулся на Дикую Розу. – Так это твои штучки с зельем приворотным?!

И с амнезией тоже?!»

От лютой расправы Розку спас поток бурных рыданий, вырвавшихся из груди Просто Марии. «Муж пишет, что на развод нода-а-ал, – принялась она обливать хрустальными потоками слез свой чемодан. – Некуда мне теперь еха-а-ать...»

«Оставайся и живи спокойно. Я уеду, – бледный от собственного благородства сообщил Дон Педро, потрясая третьим письмом. – Вот, ребята с прежней работы пишут, что запросто могу вернуться, ждут...»

«Не уезжай!» – ещё пуще зарыдала Просто Мария и припала к широкой груди Дона Педро.

Тут Дикая Роза, которая по всем законам жанра должна была давно убраться восвояси от греха подальше, решила извлечь-таки выгоду из этой безнадежной ситуации.

«И правильно, зачем вам куда-то ездить, – подхалимски одобрила она. – Вместо Марии я могу прокатиться. Ну, виновата я перед вами, ребята! Так дайте шанс исправиться. С разводом помогу, вещички Машины привезу, то-сё... Марию-то, небось, ломает с бывшим муженьком встречаться. А меня, – здесь эта мерзавка томно закатила глаза, – совсем даже наоборот. Ну, выпьем на посошок!»

Но только эта странная неразлучная компания устроилась за столом, как раздался душераздирающий вопль. Когда троица, на манер команды спасателей, незамедлительно прибыла к месту сигнала бедствия, обнаружилось, что это рожает моя кошка. Оказывается, она, в отличие от прочих, была по-

честному беременной.

Икебана с аленьким цветочком

«“Когда мне плохо, я танцую”, – вспомнила Аля слова героини одного малоизвестного фильма. Может, попробовать как она?»

Неприятности, как им и положено, шли сплошной полосой. Ну, во-первых, развод. Что уж тут скажешь, развод он и в Африке – развод. Только там страсти африканские, а у нас – кухонно- жэковские. Но по накалу ничуть не уступают.

Во-вторых... Нормальные люди после обломов судьбы чахнут, худеют и спадают с лица. Алин же организм в этом плане был устроен прямо противоположным образом. В периоды расстройств и депрессий она начинала жевать подряд всё мало-мальски съедобное. Например, во время скандала с бывшим уже мужем запросто могла за вечер смолотить целую кастрюлю супа.

Природа этого явления оставалась непонятной и для самой Али. То ли жевательный рефлекс возникал у нее на нервной почве, то ли организм пугался, что имеющихся у него в наличии калорий не хватит, чтобы совладать с напастью и заполошно требовал новых. А потом не справлялся с ними и откладывал про запас.

Короче, в результате связанных с разводом переживаний, нашу героиню, и без того от природы не худенькую, разнесло аж на дополнительных два размера. Это было катастрофой!

Мало того, что она стала казаться себе безобразной бегемотихой, надо ведь было еще срочно обновлять весь гардероб. А на что, спрашивается?!

Итак, гардероб – это, во-вторых. Или уже в-третьих?

Плюс ко всему сломался телевизор, перегорели лампочки в ванной и туалете, а паразитский кот отодрал в прихожке на самом видном месте кусок новых обоев.

Добило же Алю то обстоятельство, что именно в эти дни чадолюбивые соседи подарили своему находящемуся в бурно-переходном возрасте отпрыску новый музыкальный центр. Добрый мальчик не стал жадничать и щедро делился своей радостью с окружающими. Включенная на всю катушку музыка чуть ли не сутками грохотала окрест, беспощадно сметая все остальные звуки на своем пути. И некуда было от нее деться, как некуда было деться от обложивших со всех сторон проблем.

«Когда мне плохо, я танцую», – сказала Аля и стала танцевать. Под эту самую, доставшую до печенок, музыку. Сначала она через силу вымученно дергалась и топталась на месте, как восьмиклассница, впервые попавшая на дискотеку. Потом стала танцевать перед зеркалом. Потом вошла во вкус.

Повезло хоть в том, что соседский тинэйджер увлекался в основном махровой попсой. Будь он поклонником тяжелого рока, процесс танцев-шманцев стал бы для Али куда более проблематичным. А рок у нее и так тяжелый. Ох, тяжелый...

Но вот уже пошла Верка Сердючка: «Хорошо! Всё будет

хорошо!» – и Аля пустилась в пляс, лихо выделявая запомнившиеся ещё с пионерлагеря «веревочки» и «ковырялоч-ки».

Особенно же удавались ей интимно-лирические композиции. Попервоначалу Аля попросту кривлялась под них, пародируя рекламных девушек. Но в какой-то момент была приятно удивлена, открыв, что она ничуть не хуже этих самых моделей. Ну и что, что комплекция! Ну и что, что лиш-ний вес. Подумаешь! Зато – грация! Зато – кураж! Зато – улыбка! Даже пресловутая сексапильность смело проклюну-лась, чего никак не ожидала от себя зажатая от природы и окончательно прихлопнутая в этом смысле своей полнотой Аля.

Однажды наша героиня пришла с работы в особо рас-трёпанных чувствах. Коллега, вовремя не оформившая ка-кие-то бумаги, ловко перевела стрелки на Алю. В результате директриса, особо не стесняясь в выражениях, орала на неё так, что вяли не только уши, но и стоявшие на компьютерах кактусы.

Весь накопившийся в крови адреналин Аля выплеснула в танце под гремевшую нон-стоп музыку. Снимая единствен-ный комплект, в который еще могла влезть, – бесформенный свитер и свежеприобретенную юбку на резинке, она превра-тила повседневную процедуру в настоящий стриптиз. О, это было так чувственно, так зовуще, так артистично! «Жаль, зрителей нет», – подумала она, инстинктивно кидая взгляд

на окно. И застыла, как крейсер «Аврора» на вечном приколе.

Прикол же состоял в том, что зрители были. Вернее, зритель. Стоявший под окнами мужчина с большим интересом наблюдал за совершенно бесплатным эротическим шоу. Бегавшего рядом огромного пса вряд ли можно было считать публикой – его больше интересовали свои собачьи дела, нежели все Чиччолины в мире вместе взятые.

Аля ахнула и бросилась в ванную. Стоявший под окнами нахал, кажется, заплодировал.

Здесь надо объяснить, почему наша героиня так раздухарилась с рискованными телодвижениями, даже не проверив, не наблюдает ли кто за ней. Дело в том, что Алина квартиры, хотя и находилась на первом этаже, окнами выходила на глухой задний двор с гаражами. Изредка здесь появлялись только соображающие выпить пива и покурить подростки, да хозяева собак, выгуливающие своих питомцев. Что касается тинэйджеров, они сами прятались от окружающих в подбалконных нишах и окнами не интересовались. Собачники появлялись обычно в определенное время и больше обращали внимание на четвероногих друзей человека, чем на самих человек за шторами.

И вот нарисовался один такой, который остановил свой скучающий взгляд на ее окне. И именно в этот момент! Аля утешала себя мыслью, что он вряд ли сумел подробно рассмотреть ее, раздевающуюся в глубине комнаты, сквозь гу-

стой тюль. Но что-то же всё-таки он там разглядел... Ну и влипла в историю! Ещё подумает, что она нарочно так мужиков заманивает. Фу, гадость какая!

На всякий случай Аля задернула шторы на всех окнах и пару дней их не раздвигала вовсе.

На третий день в наглухо занавешенное окно стукнуло несколько мелких камешков. Потом ещё и ещё... «Щас я кому-то выдам! – вскинулась Аля. Но для начала осторожно выглянула в узкую щель между портьерами. – Ну, так и есть: те же морды – мужская и собачья. Требуют хлеба и зрелищ. Кобели! Стоит увидеть полураздетую... э-э... самку, как основной инстинкт все мозги напрочь отшибает. Впрочем, собаку я, наверное, зря оскорбляю. Может, это и не кобель вообще, а подруга по угнетению мужским шовинизмом. Сука, то есть».

А вообще-то, мужик ничего. Даже очень ничего. А если честно, приятно, черт возьми, что на тебя такой видный парень запал. Не такая уж ты, значит, корова. И улыбается он совсем не нагло, а очень даже обаятельно и мило. А если совсем честно, ох, не отказалась бы я с таким роман закрутить... Стоп! Ещё не хватало с женатым по определению мужиком в своем же доме шуры-муры разводить. Чтоб на тебя пальцем показывали. А ещё, может, у него супруга такая, что все глаза за своего благоверного выцарапает. И ее можно понять. А может, он не женат? Ага, раскатала губу! Неже-

натые красавцы за 30 только в слезливо-сопливых женских романах водятся. Но никак не в соседнем подъезде. Так что, давай-ка от греха и от окна подальше.

И Аля демонстративно ещё плотнее задрапировала занавески.

Через пару дней раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте. Вы Аля? – поинтересовался незнакомый мужской голос.

– Аля, – не стала отпираться наша героиня.

– А я Дима, – представился незнакомец. – Мы с вами в одном доме живем.

Тот самый мужик с собакой, догадалась Аля, кто же ещё.

И сразу насторожилась:

– И что из этого?

– Вы меня затопили, – огорошил Дима.

– Как?! Я же на первом этаже живу!

– Вы меня затопили... половодьем чувств, – меланхолично пояснил Дима. – И теперь требую возмещения ущерба.

Морального.

«Сейчас начнет приставать с гнусными предложениями, – ударились в панику Аля, – учитывая обстоятельства нашего знакомства, это как бы естественно».

– Ваши чувства, вы и разбирайтесь! – отрезала она весьма раздраженно.

– Не сердитесь, Аля! Это вам не идет, – раздалось в ответ в трубке. – У вас такой голос приятный. И имя... И сами вы

такая красивая, прямо цветочек аленький.

«Ловко охмуряет, – начала было подтаивать Аля. – А что, если... Нет! Не хватит мне стервозности в любовницах у чужого мужа ходить. И вообще, стервы худые, а я толстая».

– Я не аленький цветочек, я дикая орхидея! – прорычала она в трубку.

– Нет, это вы только притворяетесь, – мягко засмеялся Дима. – В душе вы точно аленький цветочек.

– Какой вы, однако, шустрый, – не поддавалась наша героиня на провокацию вражеских голосов, вернее, голоса. – Да чтоб аленький цветочек добыть, надо за тридевять земель идти. А вам слабо, да? Норовите его в соседнем подъезде сорвать.

– Значит, вы хотите послать меня подальше? – решил расставить точки над «ё» Дима.

– Хочу! – обрадовалась Аля его догадливости.

– Что ж, желание дамы – закон, – невозмутимо отозвался непрощеный ухажер. – Куда пошлют, туда и захотим. И аленький цветочек достанем.

– Ну, меня-то вы уж точно достали! – прошипела Аля.

– Вот видишь, аленький цветочек, я тебя уже достал! – торжествующе объявил непотопляемый Дима.

– А... О... – Аля в сердцах бросила трубку.

Ничего, побесится и остынет. Не вечно же у него в крови гормон будет играть. Во всяком случае, она под эту музыку танцевать не собирается.

Однако перед сном ее посещали совсем другие мысли.

«А он романтик, – невольно улыбаясь, размышляла Аля. – Есенина любит... И вообще... “Аленький цветочек”... Ну, надо же... А что, если попробовать составить что-то типа икебаны из растений, символизирующих мою повседневность? – Пришла ей сквозь сон мысль. – Ну, во-первых, туда обязательно вошли бы кактусы с компьютеров, увядшие от крика хамки-директрисы. Во-вторых, искусственный фикус из соседнего магазинчика, где я обычно отовариваюсь. Ещё метелки сухих растений, что густо торчат под окном. Потом бегония с того же окна, которую паразитский кот уже дважды ронял, но она все же пытается цвести... Да... Аленький цветочек вписывается в эту бытовуху с трудом. Но ведь Дима его там разглядел!»

Заснула Аля с благодарной улыбкой.

Телефон, тем не менее, она временно отключила. А если надо было с кем-то срочно поговорить, звонила сама.

Ещё через пару дней, когда Аля отправилась выносить мусорное ведро, из дальнего подъезда выскочил Дима. С криком «Девушка, вам помочь?» он проворно выхватил у нее из рук крайне неэлегантную ношу.

– Оригинальный способ, – только и успела бормотнуть Аля.

И ещё автоматически скользнуть взглядом по верхнему слою мусора в ведре. Отходы были до тошноты приличными – никаких тебе пивных бутылок, пачек от сигарет, презерва-

тивов и других компрометирующих хозяйку предметов. А в центре гордо красовалась пачка из-под апельсинового сока «Чемпион». Знай, дескать, наших. Мы – за здоровый образ жизни!

Впрочем, может быть, мужику как раз любопытно было бы увидеть здесь что-нибудь эдакое, пикантное... А?

Аля подняла глаза на нечаянного помощника. Вблизи он оказался еще лучше. Высокий, белозубый, улыбчивый. И пахло от него обалденным мужским парфюмом, как будто человек не на помойку собрался прогуляться, а на вечеринку. Здесь все правильные Алины мысли бесславно исчезли, как предвыборные листовки незадачливого депутата.

Затем сладкая парочка долго шла, к мусорным бакам и после медленно возвращалась к Алиному подъезду. А когда, наконец, дошла, обнаружила, что ведро почему-то по-прежнему оставалось полным. Пришлось повторить этот маршрут... ещё несколько раз.

– Нет, я дождусь сегодня приглашения на чашку кофе?! – возмутился-таки Дима. – Целый час мусор таскаю, неужто не заслужил?

И он под ревнивое фырканье кота бережно поставил посреди прихожей злополучное ведро. Которое опорожнилось ровно на пачку сока «Чемпион», где-то по дороге унесенную ветром, как красивая жизнь южноамериканских плантаторов...

... В конце так счастливо проведенного вечера Аля осто-

рожно поинтересовалась у гостя, не заждались ли его дома.

– Ну разве что Кеша, – хохотнул Дима. – Да он поймёт, не мужик, что ли. И рассказал свою историю.

В этот дом Дима с женой вселились недавно: бабушка оставила любимому внуку квартиру в наследство. Старушка была страстной собачницей, и в качестве приложения к жилью супругам достались два пса-полукровки: престарелый сенбернар Алекс и резвый дог Кеша. Такие имена бабушка дала им в честь своих любимых киноартистов: Алексея Рыбникова и Иннокентия Смоктуновского.

Ужасающая антисанитария, как следствие пребывания в квартире двух здоровенных собак, доводила слывшую патологической чистюлей жену Димы до истерики. Особенно ненавидела она Алекса, который оставлял всюду клоки шерсти, грыз мебель, страшно выл по ночам и, в силу своей дряхлости, пускал на сияющем полу лужи.

Самым ужасным оказалось то, что у дочери Диминой жены от первого брака обнаружилась аллергия на собачью шерсть.

Супруга требовала усыпить собак, но Дима, помня, как нежно любила бабушка своих песиков, отвечал отказом на все ее ультиматумы. Помучавшись еще немного, женщина забрала дочь и ушла. Что ж, ее можно понять.

По иронии судьбы, спустя всего ничего после ее ухода умер Алекс. И остались Дима с Кешей вдвоем, как сироти-

нушки. Но просить жену вернуться почему-то не хотелось. Однажды, выгуливая своего четвероногого друга, Дима случайно бросил взгляд на одно из окон первого этажа...

– Телефон твой я нашел в справочнике через адрес, – признался Дима. – Навести кое-какие справки у соседей тоже не составило труда. Остальное ты знаешь... – Он помолчал и добавил: – Ну, а сейчас меня больше всего волнует знаешь что?

– Что?! – подалась к нему заинтригованная Аля.

– Как уживутся мой Кеша с твоим котом...

8,5 марта

– Восьмое марта! – пафосно провозгласила Вика, застилая стол свежей скатертью. Бережно расправив складки, закончила тираду: – Какая гадость!

И праздничный стол на манер нарядных салатов мигом украсили разложенные решительной рукой первокурсницы многочисленные конспекты в пестрых тетрадных обложках.

– Нет, ну и удружила женщинам эта коммунистка Клара Цеткин! – продолжила обличительную речь будущий экономист. – Такую грандиозную отмазку для мужиков придумала!

Место мясного блюда на столе тем временем занял толстенный учебник по бухучету.

– Ловко придумано: один день в году можно напрячься, – не могла успокоиться Вика, – духи, цветочка, то-сё... Зато потом весь год они нас имеют, как хотят! Во всех смыслах!

Здесь девушка вместо бутылки с шампанским водрузила на почетное место органайзер со всякой канцелярской мелочью. И сделала из своей пламенной речи вывод, перечеркнув идею одного классика коммунизма лозунгом другого:

– Нет, со мной такой номер не пройдет. Учиться, учиться и учиться!

Если вы решили, что Вика представляет собой какую-нибудь засушенную ботаничку, то глубоко ошибаетесь. Викто-

рия – стильная, эффектная блондинка. Настолько яркая и эффектная, что многие с первого взгляда принимают ее за типичную «охотницу», искательницу богатеньких буратин. И тоже попадают пальцем в небо. Викусина мама, успешная бизнесвумен, в свое время безжалостно выгнавшая недотепу-инженера мужа, с младых ногтей внушала девочке: надеяться можно только на себя. Только! Поэтому цель нашей героини ясна: закончить институт (обязательно с «красным» дипломом!) и открыть свое дело. И девушка победным шагом к этой цели идет, полностью оправдывая свое триумфальное имя – Виктория.

– А все-таки зря ты со Стасом опять поссорилась, – заметила Татьяна, Викина подруга, с которой они вместе снимали квартиру.

Девушки дружили еще со школы, вместе приехали из родного городка, обе хорошенькие, обе отличницы. Но на этом их сходство заканчивалось.

Татьяна тоже не даром носила свое имя, имя пушкинской героини. Внешне девушка напоминала негатив актрисы-инженю, которая играет в ТЮЗе принцесс, а в экранизациях классики – первую любовь главного героя. То есть в экстерьере студентки присутствовали и огромные лучистые глаза, и пухлые наивные губы. Но, в отличие от банальных белокуро-голубоглазых инженерюшек, это была брюнетка с карими глазами. Что придавало Татьянинному облику дополнительную привлекательность и оригинальность.

Впрочем, оригинальность во всем можно назвать Танюшиной отличительной чертой. Как и полагается идеальной студентке-филологу, эта барышня жила в своем внутреннем мире. Мире, населенном образами обоих Тарковских и обоих Мураками. При этом редко и неохотно покидала его для того, чтобы пообщаться с окружающими во плоти и крови.

– Не понимаю, чем тебя Стас не устраивает? – продолжала тем временем Татьяна. – Красивый, неглупый...

– Неглупый?! – перебила Вика. – Да уж! Один его дурацкий КВН чего стоит...

– Ну, я, допустим, тоже не понимаю, что он нашел в этой самодеятельности, – невольно согласилась с подругой Татьяна и поморщилась: – Ведь КВН – сплошной кич...

– Вот-вот! – подхватила Вика. – И мама говорит: не вздумай! Знаю я эти дела: на первом курсе – ЗАГС, на втором – ребенок и академка. Прощай, карьера!

Вика передернула плечами с таким ужасом, как будто за ее спиной стояла зловещая фигура в балахоне, только вместо одиозной косы в одной руке она держала поварешку, а в другой – детский горшок.

– Но неужели он тебе совсем-совсем не нравится? – не унималась Танюша.

Дело в том, что понятие «карьера» не входило в систему ее ценностей. В отличие от понятия «любовь»...

– Такие вопросы, на самом деле... – забормотала припертая к стенке Вика.

В глазах ее мелькнула предательская растерянность. Но тут же, демонстрируя владение тактикой ухода от нежелательных вопросов, будущая бизнесвумен находчиво перевела стрелки на подругу:

– Ну а вот ты, Танюшка... Скажи честно, кого ты из наших институтских парней... выделяешь?..

– Не знаю... – после паузы отозвалась Татьяна, задумчиво теребя тонкими пальчиками бахрому скатерти. – Они все какие-то... одинаковые... Стандартные... Вот если бы встретить человека, с которым бы мы... Ну, допустим, отмечали не восьмое, а восьмое с половиной марта... Как у Феллини...

– Да... – с материнской озабоченностью покачала головой Вика. – Влюбишься ты, Тань, в какого-нибудь чокнутого компьютерщика. И будет у вас семейная жизнь, как в той песне: «У соседа крыша едет, как жену зовут, не помнит, ему компьютер – собеседник, собутыльник и любовник...»

Когда девчонки отсмеялись, Вика не поленилась сделать из беседы о любви конструктивный вывод:

– Короче, не нужны нам эти крейзанутые кавээнщики. Я Стасу так и сказала: не приходи больше.

– А он?

– Обиделся. Ну и не приду, говорит, пока сама не позовешь...

– А ты?

– Щас! Только шнурки на галошах...

Ее запальчивую тираду прервал настойчивый звонок в

дверь.

– Приперся все-таки! – Вика вскочила и отправилась открывать, заранее оперев руки в бока.

Однако вслед за звуком открываемой двери наступила тревожная тишина. Татьяна кинулась в прихожую, и ее взору предстала следующая картина. В проеме двери перед онемевшей Викторией стоял щуплый парень в распахнутой дубленке с бутылкой шампанского в руках. Он был явно в том состоянии, которое деликатно принято называть «подшофе». И поэтому улыбался опешившим хозяйкам столь многообещающе, как будто пришел перестирать все тряпки в доме в рамках акции «“Тайд” или кипячение». Или сделать бесплатно евроремонт в рамках акции «Школа ремонта».

За спиной этого акционера и вовсе нетвердо маячил высокий блондин. Вполне может статься, что он был в черном ботинке. Одним. Потому что потерять на улице второй в таком состоянии совсем не мудрено.

– При-ивет, девчонки! – улыбка малогабаритного пришельца стала еще лучезарнее. – Вот и мы! Как обещали!

– ???

– Меня Виталиком зовут. А это Серёга. Вижу-вижу – рады! – перебил он открывшую было рот Вика. – Входи, Серый, не стесняйся!

Аккуратно отстранив стоявшую на пути Викторию, Виталик юрко просочился в прихожую, ловко втащив за собой приятеля.

Здесь он бережно прислонил нестойкого спутника к косяку и, укрепившись таким образом на отвоеванных позициях, тут же предпринял попытку дальнейшего штурма. Причем общение с хозяйками происходило в стиле известной песни Высоцкого «Скажи, Серега!»

– Ну, девчонки, спасибо, что пригласили! Мы сразу на такси – и к вам. Да, Серега?

– Да никого мы не приглашали! – отмерла, наконец, Вика.

– Как не приглашали? – опешил Виталик.

– В чём вообще дело? – возмутилась Татьяна.

– Как это: «в чём»?! Мы объявление на радио дали: «Есть шампусик. Хотим поздравить симпатичных девчонок». А вы позвонили и сказали: «Приезжайте, ребята». Так, Серёга? Вот и Серёга кивает. И адрес дали, – Виталик полез в карман за бумажкой. – Ваш?

– Ну... – растерялась Вика. – Ну и что?

– Да не давали мы никакого адреса! – нервничала Татьяна. – И радио у нас нет! Это ошибка!

– Ай-ай! – закручинился Виталик. – Нехорошо обманывать. Скажи, Серёга? А давайте на радио позвоним, проверим? Вот и телефончик, – он кивнул на Викин сотовый, лежащий на подзеркальнике.

В этот момент телефончик неожиданно зазвонил.

– Алё, Стас? – закричала в трубку Вика. – Что? Поздравляешь? Ладно, спасибо, не до тебя сейчас... Да два каких-то придурка... Приехать? Не надо, мы сами.

И она гордо швырнула трубку.

– Чо сразу: придурка? – горько обиделся Виталик. – Не понравились мы вам, да? Понятно... Но зачем сразу оскорблять?.. Скажи, Серёга? И зря не понравились. Вы вон на Серёгу посмотрите. Серый, повернись в профиль... Стоять! – Виталик поспешно вернул сползшего было на пол друга в вертикальное положение. – Ну не в форме сейчас человек. А вообще по его фейсу весь Голливуд просто слезы льет. Скажи, Серёга? Молчит из скромности. А я? Да вы не смотрите, что я такой неказистый. Я – о-го-го!

Тут этот затейник сбросил дубленку и бодро, напевая брагурный марш, принялся демонстрировать прямо посреди прихожей эффектные позы профессионального культуриста. Причем получалось это у него так потешно, что подружки невольно захихикали. Виталик тем временем бил чечетку, плавно переходящую в цыганочку. Серега под шумок устроился под вешалкой и похрапывал в такт.

Когда незванный массовик-затейник перешел к дрессировке подвернувшегося под руку кота, опять зазвонил сотовый.

– Стас? – ответила Вика хриплым от едва сдерживаемого предательского смеха голосом. – Нет, не ушли. Прийти? Да... То есть нет! Отключился...

Стас появился сразу. Судя по всему, он просто стоял за дверью. Мигом оценив обстановку, незадачливый ухажер сразу ринулся в бой.

– Ребята, ребята! Извините, вам придется уйти. Видите,

дамы против... гм... вашего визита.

– Кто сказал, что дамы против? – вдруг возразила лукавая Вика и из вредности кокетливо подмигнула Виталику.

– Кто сказал, что дамы против? – мигом просиял тот и с большим энтузиазмом подмигнул красотке.

Видя, что ситуация выходит из-под контроля, Стас сделался белым, как невинный лист бумаги, еще не тронутый кляузой соседа.

– Ну, ребята, не ожидал, – пустил Стас в ход тяжелую артиллерию. – И это называется – мужская солидарность?

– Ладно, – поскущел Виталик и начал натягивать дубленку. – Не будем некоторым праздник портить.

– И шампанское забери! – прошипел Стас.

– Да что мы, монстры какие? – оскорбился несостоявшийся Куклачев. – Пускай девчонки празднуют.

– Тогда друга не забудь, – не унимался Стас.

– Это пожалуйста. Русские своих не бросают. Р-рота, подъем!!! Пошли, Серый, нам здесь почему-то не рады.

Виталик нахлобучил на с трудом принявшего вертикальное положение приятеля шапку, и парни удалились из него-степриимней квартиры, топоча как целый отряд ОМОНа. При этом неутомимый балагур с намеком горланил на весь подъезд: «Не надо ни подарков, ни цветов, ни внимания, лишь только бы осуществилось желание...»

Стас вздохнул с видимым облегчением, скинул куртку и, прихватив шампанское, двинулся в комнату. Но не успел па-

рень приземлится на табуретку, как его обломила коварная возлюбленная:

– Ты чего это расселся? И шампанское, между прочим, не тебе принесли!

– Не понял... – пошёл, в свою очередь, в наступление Стас. – Полчаса назад кто-то умолял: «Стасик, приди! Без тебя – никак!»

– Чего?!!

И влюбленные слились в самозабвенном выяснении отношений.

«Говорят: “Милые бранятся – только тешатся”, – обречённо подумала Татьяна. – Может быть. Но каково окружающим! Вон даже кот сбежал. Надо его вернуть, а то потеряется».

Девушка накинула пальто и вышла на лестничную клетку. Беглец обнаружился сразу. Он уютно устроился... на руках прикорнувшего на ступеньках Серёги. Услышав скрип двери и шаги, парень поднял голову, посмотрел на искательницу кота совершенно ясными глазами и широко улыбнулся:

– Привет!

– Привет... – опешила Танюша. – Ты... что здесь делаешь?

– Жду, когда ты выйдешь. Вот, специально вашего кошака прихватил, – глядя на растерявшуюся девушку, Серёга решил взять инициативу в свои руки. – Может, в дом пригласишь? А то трамваи уже не ходят, метро закрыли...

– Метро? Какое метро? – изумилась было Татьяна. – А! Это, наверное, то, где вы по вагонам гастролируете?

– Точно! – подхватил Серёга. – По вагонам – это мысль! А ты нас узнала?

– Нет. Я в вашем метро не езжу. На КВНы то есть ваши не хожу, – слегка презрительно поджала губки фанатка Пелевина. – Только что догадалась. Это Стас вас подговорил?

– Точно! – Ничуть не смутился Серёга. – Классно мы сыграли, да? Правда, напугали вас, извини...

– Да вам-то зачем это надо? – продолжила следствие Татьяна.

– Ну, тут у каждого своя игра... – затуманился Серёга.

– В глаза смотреть! – потребовала очаровательная дознавательница.

Кавээнщик глянул в ее бездонные глаза и сразу пропал в них, как в Бермудском треугольнике.

– Ну, Виталя давно на твою подругу запал, думал случаем воспользоваться. А я... Я еще в арбитраже тебя выделил. Да разве к тебе подойдешь? Постоянно эта крейзанутая Вика рядом вертится... Ну что, приглашаешь на фужер шампанского? Той-то сладкой парочке оно сейчас ни к чему.

– Ну... ладно, – смилостивилась Татьяна. – Еще час Вика со Стасом будут выяснять отношения, – прикинула девушка. – Потом она его выгонит. Может, к тому времени ваше метро откроют. Вдвоем веселее добираться будет.

Татьяна с Серёгой зашли в квартиру, оставаясь совершен-

но незамеченными, забрали со стола в комнате бутылку в серебристой обертке и устроились на кухне.

– Ну, с восьмым марта! – как-то уж слишком незатейливо для кавээнщика (наверное, от волнения) провозгласил Серёга, разливая по разномастным кружкам пенистую жидкость.

– Да уже, наверное, и не восьмое, – меланхолично заметила Татьяна.

– Точно! – Серёга глянул на часы. – Полпервого... Ну, за восьмое с половиной марта!

Маленькие монологи

Ведь я этого достойна

Купила крем «Л'Ореаль Париж – Ведь я этого достойна». Сижу, благоухаю. Франция, блин.

Например, такую шубу, как у соседки, носить недостойна. Не знаю уж, из какого зверя сшито манто, но цена на него кусается явно побольнее этого животного. Ещё бы, ведь бойфренд у соседки – новый русский. Его не то что не укусишь – не взорвёшь. Плевать, что соседке едва восемнадцать исполнилось, и она этому «бою» в дочки годится.

Я с такими френдами не дружу, недостойна, наверно. А ведь, как говорится, скажи, кто твой френд, и я скажу, сколько у тебя зелёных в банке. Угадали, из зелёных в банке у меня исключительно кактус. На собственную зарплату могу себе позволить купить разве что внутренний карман от пресловутой шубы. Вот только что смогу там держать, кроме фиги по поводу окружающей действительности?

Нет, надо быть оптимистом. Можно, можно, если постараться, найти денежную и притом честную работу. И ведь нужен-то пустячок – всего лишь родиться мужиком. Н-да, от данного обстоятельства я как-то ещё дальше, чем от восемнадцати лет. Выходит: работать достойна, зарабатывать –

извините.

А с другой стороны, если бы я была мужчиной и мне было бы восемнадцать, я была бы достойна исполнения воинской обязанности. О, уж тут бы из-под земли достали и объяснили – достойна! Не отмахалась бы. Фу, хоть в чём-то повезло...

Хотя в армии есть и свои плюсы. После отбоя, говорят, – тишина... В нашем доме такого счастья фигурки дождёшься. Слышимость идеальная. Если в какой квартире ругаются, аргументы супругам все два этажа со знанием дела подсказывают. А когда где-то гуляют, весь дом с энтузиазмом подпевает.

Дружно живём. И чего расстраиваться, чего по инстанции насчёт улучшения квартирных условий ходить? Там всё равно объяснили, что недостойна. Какое вы, говорят, право имеете? Когда вы сюда приехали? Никогда, говорю, живу я здесь. Как родилась, так и живу. Ну, говорят, и живите себе дальше, а к нашей очереди первостроителей не примазывайтесь.

О, опять за стенкой гуляют. Что характерно: они всю ночь пьют, а у меня наутро голова болит. В больницу, что ли, сходить? Как же, там не только старая головная боль при тебе останется, но и новую обретёшь. Девчонки в регистратуре на своём компьютере карточки больных ищут. Очередь ставки делает: найдут – не найдут? Иногда находят. Обстановка нервная, как в казино. Врач тоже вся взвинченная, видать с мужем поругалась, ей бы, бедной, самой лечиться. Выходит,

и приличного медобслуживания, даже на самом примитивном уровне, я недостойна.

И вдруг! Вот он, свет в конце тоннеля: «Л'Ореаль Париж – Ведь я этого достойна»!

Ай да французы! Неважно, кто ты и что ты. Достойна – и всё тут! Просто потому, что ты есть. Русской женщине и в голову бы такое не пришло.

Ведь в этой жизни только «Гэфаль» думает о нас.

Маленький пушистый котёнок

Боже, как я ненавижу эту краску! Кожу головы жжёт так, словно волосы сию минуту слезут скальпом. Терпеть! Зато в результате получается премиленькая блондинка с пухленькими губками – у-тю-тю...

Через пару часов придёт мой милый. Обалденный мужик, ничего не скажешь. Не одна я на него глаз положила, бои за парня велись как под Бородино. Из других отделов при полной боевой раскраске и амуниции, в виде мини-юбок и декольте, сбегались девчонки – сигаретку стрельнуть, глазками пострелять. Канонада аж всё заведение сотрясала.

Слава Богу, только у меня хватило ума понять: ему совсем другой стиль нравится. «Будьте добры, принесите, пожалуйста, вон те папки. Ах, какой вы сильный...» (сумки с продуктами таскаю – в десять раз тяжелее). Блузка простенькая, но со вкусом (стоимостью две моих квартплаты). Глазки с длиннющими ресницами скромно опущены (тушь «Макс-фактор», залезла в долги). Словом, маленький пушистый котёнок. Не экономить! Зато, если сумеешь соблюсти имидж, – избранник твой. Вау! В смысле, мяу!

Ну вот, ударилась в воспоминания, а надо ещё успеть прибраться и черепаху найти. Черепаху просила дочка, она у бабушки, от садика опять с кашлем отстранили. Только бы не воспаление лёгких! Господи, пронеси... не реветь! Нужна

ты мужику такая раскисшая, с красным носом: «Ах, у меня ребёнок болен!». Затем, что ли, приходит, чтобы тебе слёзы-сопли утирать?..

Так, с уборкой вроде бы всё. Ну куда же эта чёртова черепаха подевалась? Да и милый что-то запропал, не торопится. Не скулить! Обязательно придёт и обязательно с цветами. «Ах, какие дивные цветы!» (Через три дня завянут, да и кто их видит. Подарил бы хоть духи, что ли. Мои дорогушие уже заканчиваются, наносишь каплю за каплей и думаешь: «Рубль... Два рубля...»)

Ой, кажется у меня в духовке пригорело! Да нет, ничего страшного, самую малость. Но от запаха аж замутило. Опять! Опять тошнит! Так я и знала! Только этого на сегодняшний день мне для полного счастья и не хватало... Не раскисать! Может, всё ещё обойдётся. Обойдётся, как же!..

Звонок. О господи! Заметалась так, будто я не жду его уже два часа. Ну куда, куда полетела, в зеркало хоть посмотри. Улыбку шире, глазки наивней, ноги кривее... Тьфу ты! И... на «раз, два, три» – ангельским голоском:

– Здравствуй, милый! Какие чудные цветы!

А черепаху так и не нашла...

Письмо Джульетте

15 января

Дорогая Джульетта! Мне, как и тебе, 14 лет. А великой любви, такой, как была у тебя, нет и не предвидится! Обидно! Потому что все мои сверстницы в свободное от уроков время только и делают, что шепчутся, сплетничают, пишут записки и интригуют. И все на тему любви. Лишь я одна – ноль эмоций. Ну, прямо чувствуешь себя каким-то эмоциональным уродом.

Да-да, ведь бывают, во-первых, уроды физические – к ним я, понятно, себя не отношу. Может, я и не тяну на «лицо» косметической фирмы «МИА», но уж и не страшней большинства девчонок, которые снимаются в рекламе всякой там джинсовой одежды.

Во-вторых, бывают инвалиды душевные – это сумасшедшие. К ним, скорее, можно отнести многих девчонок из нашей школы. Ну, как, скажи на милость, можно в здравом уме и твердой памяти влюбиться в Стаса Родионова из 11 «Б»? Ведь чтобы убедиться, что параллельные линии не пересекаются, достаточно заглянуть под его черепную коробку. Там наверняка нет никаких извилин – все параллельно:))

Ну, так вот, а я, наверное, «неизвестный науке зверь» – урод эмоциональный. Никто, ну никтошеньки из парней мне не нравится. И они мне в этом плане отвечают полной вза-

имностью. В смысле, на меня тоже ни один западать не спешит. Обидно! Дожить аж до 14 лет и ни разу по-настоящему не влюбиться! Кошмар!

И, главное, совершенно не с кем этой проблемой поделиться. Задушевной подружки у меня нет. И вот! Сегодня наша несравненная англичанка Виктория Игоревна рассказала, что в Вероне существует «Клуб Джульетты». Туда пишут все, у кого какие-то любовные проблемы. Им обязательно отвечают, ну, от твоего имени.

И даже адрес дала:

Club di Giulietta Via galilei, 3

37133 Verona Italia

Вот я и решила тебе написать, дорогая Джульетта. Поделиться своей проблемой, совета попросить. Но тут возникла другая заморочка. Если напишу послание по-русски, вряд ли кто его там, в Вероне, сможет сразу прочитать. И буду ждать ответа, как пингвин в Антарктиде лета. Итальянский сразу отпадает. Остается английский. Увы, язык Шекспира и Ливерпульской четверки отнюдь не является моим любимым школьным предметом. Но я твердо решила: подтяну английский и напишу тебе письмо. Говорят, язык до Киева доведет. А английский язык, может быть, доведет меня до сердца классного парня:))

А пока я буду писать тебе как бы черновичок. Надеюсь, ты не против? Ну, пока, бегу заниматься английским.

16 января

Yes! Результат моих усилий не заставил себя ждать. Сегодня я получила пятерку по английскому и роль в спектакле.

Роль просто супер: я три раза должна буду крикнуть за кулисами: «Джульетта!». Круто. Круче только шаги за сценой:))

Да! Я же не рассказала тебе самого главного. Наша англичанка Виктория Игоревна... Впрочем, один парень из 11 «А», поклонник КВН, а точнее «Уральских пельменей», очень удачно прозвал ее Инглишевной со всеми вытекающими последствиями. То есть теперь в народе Вику кличут то «Хэппибёздной», то «Фейсомобтейбловной», то еще как, в зависимости от эрудиции, доброты душевной и, естественно, оценки по английскому. А наша затейливая училка каждый день даёт повод для подобных изощрений. Вот в соседней группе преподавательница сто пудов соответствует имиджу учительницы английского. Прикинута – просто супер! Злые языки утверждают, что препод языка Туманного Альбиона сидит на жесткой диете, а сэкономленные деньги тратит на тряпки. Хорошие им возражают, что англичанка нехило зарабатывает репетиторством.

Что касается нашей, Суперстаровны, то ее помыслы, очевидно, выше всякого репетиторства. Как и выше самой высокой моды. Вот уже который сезон наша Ноусмокинговна ходит в единственной юбке-макси, которая, впрочем, не прикрывает её стоптанных ботинок типа армейских. А на её го-

лове, полной нестандартных проектов, неизменно красуется совершенно неопиcуемый пучок. Если бы прикрыть его банданой, Крейзипипловна вполне сошла бы за хиппи. Но в том-то и фишка, что она по определению ни в какой стиль не вписывается.

Когда мы узнали, что это чудо будет нашим классным руководителем, были в шоке. Но постепенно свыклись с этой бедой. Теперь мы нашу Олрайтовну даже любим: с ней не скучно:)

Короче: очередной проект Эврибодиевны. Мы будем участвовать в конкурсе спектаклей на английском языке. Приз – поездка в Лондон. Круто! Выбрали «Ромео и Джульетту». (Почему, кстати, речь вчера зашла о тебе и клубе твоего имени). Решили ставить сцены: бал и, конечно же, свидание на балконе.

В спектакле занят наш 9 «А», а главные роли играют одиннадцатиклассники. Обязанности режиссера взял на себя Игорек из 11 «А», тот самый, поклонник «Уральских пельменей». «Ну как же! Парень постоянно вращается в театральнo-кинематографических кругах», – ехидничают злые языки:)) При этом намекая на то, что у Игорька мама служит костюмером в местном театре, а сам он подрабатывает в видеопрокате, как в свое время Тарантино. И ни для кого не секрет, что Игорек мечтает о славе автора «Криминального чтива». И вообще, он парень очень продвинутый и волевой, по-английски чешет чуть ли не лучше нашей Хаудуюдеевны

– утверждают добрые языки в пику злым. Внешне Игорек – эдакий ужасно стильный некрасавец. У многих старшеклассниц он пользуется успехом, и я их понимаю.

Стоп! А ведь это идея! Почему бы мне тоже в Игорька не влюбиться? А что? Я как-то даже фильм по телевизору видела «Влюблен по собственному желанию». Значит, такие случаи уже существуют. Надо попробовать. Ну, пока, бегу заниматься английским.

17 января

Сегодня в актовом зале была репетиция сцены на балконе. Джульетту играет Машка Елисеева из 11 «А». Она очень похожа на сексуально озабоченную подружку главной героини из «Красоты по-американски». Тоже мне Джульетта! Злые языки прозвали ее «Красотка Мери». Еще более злые переименовали в «Кровавую Мери», намекая на ее пристрастие к красным кофточкам и, наверное, на то, что она не одного парня расстреляла глазками. И притом весьма успешно.

Но при всем при этом Машка, надо сказать, девчонка неглупая и с английским у неё всё в порядке. В отличии от всенародного кумира Стаса, который (ну конечно же!) играет Ромео. Когда он пробует вытолкнуть из себя английские фразы, мозги у бедняги прямо-таки раскаляются, как спираль в электрочайнике. Хотя какие у него в голове спирали:)) В общем, жалкое зрелище.

А вот поклонницы Стаса так не считают. Они специально

приходят на репетицию, чтобы любоваться на своего кумира. Игорек выгоняет их из зала, но фанатки потихоньку просачиваются обратно и незаметно устраиваются на задних рядах. Так что когда «Кровавая Мери» бросает на Стаса особо призывный взгляд, оттуда слышатся горестные вздохи.

Пока-пока. Угадай с трех раз, чем сейчас буду заниматься. Какая ты проникательная! Конечно, английским.

22 января

Извини, что долго не писала, но событий, особых нет, все по-прежнему. Много занимаюсь английским, чтобы написать тебе настоящее письмо. Да и вообще это дело меня затянуло, даже стало нравиться. Так здорово чувствовать себя продвинутой, а то, например, рядом с Игорьком я полный Looser. Обидно!

Репетиции идут каждый день. Игорек просто супер! Я, правда, ни разу не видела, как репетирует настоящий режиссер, но, по-моему, он должен репетировать именно так. А уж когда Игорек выходит на сцену (он еще исполняет роль Меркуцио)! Да это просто другой уровень – и знания языка, и актерской игры. Я, кажется, начинаю в него потихоньку влюбляться...

30 января

Дорогая Джульетта! У меня тут такие события! Но обо

всем по порядку.

Действие первое. Красотка Мери категорически отказалась играть Джульетту. Потому что поссорилась с Игорьком. Он ее, видите ли, оскорбил. Сама виновата! Машка с самого начала неудержимо кокетничала со Стасом. Взяла в привычку в перерывах просто откровенно висеть на нем, вызывая зловещее шипение поклонниц с задних рядов. Ну, это ее проблемы, но ведь девушка перенесла эту манеру общения на сцену и уже чуть не рвалась из своего красного платья.

Игорек на это сказал что-то типа: «Приди в себя. Это все-таки Шекспир, а не порносайт»:) А-а-а! Что тут было! Маха устроила истерику и хлопнула дверь. Игорек отказался извиняться. Старания нашей Хэппиэндовны их примирить ни к чему не привели. Кошмар! И это за два дня до того, как мы собирались записать спектакль на видеокассету, чтобы послать его учредителям конкурса!

Действие второе. Ко мне подходит наша Янки-гоу-хомувна и начинает беседу. Танюша, мол, ты в последнее время делаешь потрясающие успехи в английском, ты упорная и целеустремленная девушка, ты была на всех репетициях. Короче, выручай. Или ты играешь Джульетту, или наш проект накрылся медным тазом. (Ну про таз это я, конечно, от себя, но смысл такой). У тебя получится!

И у меня получилось! За вечер я выучила всю роль Джульетты! Думала, голова лопнет, даже на всякий случай перевязала ее банданой:) Но обошлось. Ай да я!

Зато на сцене меня ждал полный облом. Когда наша Естердеевна представила мою скромную персону в качестве кандидатки на роль Джульетты, в актовом зале установилась нехорошая тишина. Стас обозрел мой интерфейс с таким презрением, как будто я была афишей концерта группы «Золотое кольцо». Поклонницы в задних рядах подхалимски захихикали. Кто-то из парней пропел вполголоса: «Да что ж ты страшная такая, ты такая страшная, ты не покрашенная страшная и покрашенная...» Тут все заржали, как будто им показали «Матрицу» с гоблинским переводом. И это в награду за мою самоотверженную готовность спасти спектакль! Впрочем, народ часто не ценит своих героев. Жанну Д'Арк, которая спасла Францию, между прочим, вообще сожгли на костре.

Но главное! Игорек смотрел на меня с большим интересом. И этот взгляд убил в зародыше все происки врагов, как рекламное сантехническое средство мигом убивает толпы микробов под ободком унитаза.

Я понимала: чтобы заслужить его одобрение, нужно найти в роли какой-то нестандартный ход... Легко сказать! Может так? Ведь я как бы вижу этого Стаса-Ромео впервые (да, это любовь с первого взгляда). И поэтому совсем даже не думаю о том, что на самом деле он «Мистер параллельные линии не пересекаются, доказано Занусси...» Тьфу ты, Евклидом, конечно, доказано (с кем поведешься, от того и наберешься!).

Воскликнув про себя: «Вау, Стасик просто супер!», я ри-

нулась в действие, как любитель «тарзанки» с моста.

– Погоди, Танюша, погоди, – осадила меня наша Шерше-
ляфамовна. – Ты как-то слишком... по-дружески относишь-
ся к Ромео, что ли... Надо бы как-то женственнее, затейли-
вее, я бы сказала...

– Извините, Виктория Инглиш... Игоревна! – перебил бу-
дущий Тарантино. – Такая трактовка образа у нас уже была.
И мы от неё отказались. (Поклонницы в углу злорадно за-
хихикали по поводу этого намека на провал «Кровавой Ме-
ри»). Мне нравится такая по-детски искренняя Джульетта, –
продолжил Игорек. – Она покупает своей непосредственно-
стью.

8 февраля

Yes! Он всё чаще говорит «нравится»! По-моему, я на
верном пути!

Итак, мы в срок записали нашу инсценировку на видео-
кассету и отправили по указанному адресу. А пока ждем от-
вета, показываем наш маленький спектакль «с учебной це-
лью» в разных школах. Публика воспринимает постановку
очень живо, потом даже просят автографы. Особенно, ко-
нечно, у Стаса.

Кстати, дорогая Джульетта, этот спектакль очень помог
мне продвинуться в английском и очень скоро я напишу те-
бе настоящее письмо!

13 февраля

Наконец пришел долгожданный ответ... Увы! Нас всего лишь вежливо поблагодарили за участие в конкурсе и пожелали дальнейших успехов в творчестве и изучении английского языка...

Хотя! Вот кому фортуна улыбнулась чисто голливудской улыбкой, так это Игорьку. Ему присудили грант для обучения в какой-то английской театральной школе. Круто! Наш без пяти минут Квентин тут же помчался паковать чемоданы, хотя ехать надо аж осенью.

Ну вот, всегда так, а я даже не успела в него как следует влюбиться...:)))

Мы, конечно, были рады за Игорька, но ведь собственный облом тоже предстояло как-то пережить...

– Ну и ничего страшного! – сказала наша Финитальякомедиевна бодрим голосом воспитательницы, объявляющей малышам, что вместо похода на карусель они будут поливать цветочки в группе. – Зато мы все подружались! И вообще, я предлагаю участвовать в новом проекте. Он называется...

И тут мы действительно грохнули хохотом так дружно, что подслушивавший под дверью пятиклассник временно оглох на приложенное к замочной скважине ухо. Нет, наша Ноупроблемовна неисправима! Но мы, конечно же, будем участвовать в новом, где-то нарытом нашей Смайликовной проекте. Потому, что стали командой и ужасно не хотим расставаться.

Даже со Стасом я подружилась. Вот и сегодня мы вместе пошли домой, потому что нам по дороге. Кстати, с чего я взяла, что он тупой! Английский текст роли давался нашему Ромео с таким трудом потому, что он вообще-то занимается в немецкой группе.

Прикинь! В спектакле Стаса уговорили играть «за красоту», и он, бедняга, мучился, чтобы не подводить ребят.

Когда у моего подъезда мы отсмеялись по этому поводу, я сказала:

– Ну вот, мне вся эта история со спектаклем пошла на пользу. Во-первых, пятерка по английшу. Во-вторых, я могу написать одно очень важное письмо. А у тебя, Стасик, застряло в памяти хоть одно английское слово?

– Конечно, – ответил мой провожатый, – целых три.

Он посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Дорогая Джульетта, признаюсь честно, тут я почувствовала, что поклонницы, которые бегают за Стасом по всей школе, не такие уж дуры. Или я отчего-то вдруг поглупела?

А Стасик взял меня за руку и сказал эти три слова:

– I love you...

Случайные встречи

Телефонный звонок прозвучал совсем некстати. К этому моменту Алёна как раз не без труда выкроила из своего, смётанного на живую нитку дневного графика, «сколько-то там минут для красоты и здоровья». Иными словами, она лежала с огуречной маской на лице, с котом на животе и старалась думать о приятном. Кот был, можно сказать, для профилактики. Ведь бытует же мнение, что сии потребители «Вискаса» забирают отрицательную энергию и сами ложатся на больные места хозяев.

Вот только непонятно, почему четвероногий друг устроился на её животе, а не на голове. Ведь болела именно голова. От мыслей о том, как обидно было увольняться из редакции любимой газеты. От срочного и неинтересного задания для женского журнала, в котором она нашла новое место работы. От неудавшейся личной жизни. От...

В это время и зазвонил телефон. Алёна вскочила, роняя с лица кусочки огурцов и стряхивая обиженно цепляющегося за подол халата кота. На миг её посетило совершенно немотивированное предчувствие, что вот сейчас она услышит в трубке такой родной, такой желанный голос Максима. И сразу всё простит. И вопреки...

Голос был женский. Вернее, девичий. Высокий, с капризными интонациями. Незнакомка попросила позвать к теле-

фону Гарика.

– Девушка, я же вам уже сказала, – с досадой отозвалась Алёна, краем уха улавливая, как вегетарианец-кот поспешно хрустит халявными огурцами, – никакого Гарика по этому телефону нет!

– Кому, кому вы сказали? Мне? – высокомерно удивилась собеседница.

Вообще-то девушки с такими голосами первыми парням не звонят. И вовсе не из скромности, а из холодного расчёта. Они терпеливо ждут, пока объект созреет и звякнет сам. Потом долго не берут трубку. Потом очень правдоподобно делают вид, что совершенно случайно оказались у телефона.

– Ну, значит, это были не вы! Но Гарика уже спрашивали. И не один раз! – нервно выговаривала Алёна гудкам в трубке. Достали уже эти Гарики на каждый день!

В отличие от распахивавшейся хозяйки, кот уже без всякой суеты, с достоинством, как дворецкий Берримор, допивающий у себя в каморке шампанское лорда Баскервиля, додал несостоявшуюся маску хозяйки. Алёна сторяча выдрала у него из пасти последний кусок огурца, но, поразмыслив, запихала обратно: «Подаvisь, гад! Не пропадать же добру!»

В следующий раз телефон прозвенел, когда она уже сидела за компьютером, мучаясь с первой фразой статьи. На этот раз девчачий голос, попросивший позвать к телефону – угадайте с трех раз, кого? правильно, Гарика! – был робким и неуверенным.

– А скажите-ка, милая детка, – ледяным тоном скандальной, но не поступающей хорошей манерами дамы, спросила Алёна, – кто вам дал этот телефон?

– Как кто? – еще больше струсил «детка». – Гарик, конечно...

– Но такого здесь нет! – рявкнула жертва телефонного терроризма. – И никогда не было!

«Дурацкий розыгрыш, – злилась Алёна, возвращаясь к компьютеру. – И кто же это мне такое удружил? Знаю одно: среди моих знакомых совершенно точно никакого Гарика нет. Может, это какая-нибудь ошибка? А вдруг – происки врагов? Да отключу я этот телефон – и все!»

Словно почуяв неладное, аппарат разразился серией требовательных звонков. Он просто разрывался от напряжения, словно пластиковый пакет после фундаментального похода истовой домохозяйки по магазинам.

– Да, – обречённо выдохнула в трубку Алёна, чувствуя, как виртуальный сердцеед Гарик пакостно хихикает за её плечом.

– Привет, мать! Ты чё трубку не берёшь? – радостно заорали на другом конце провода.

Алёна с облегчением вздохнула. Это была Карина, коллега с прежнего места работы, прозванная в народе «Тойотой». Она всегда первая узнавала свежие редакционные сплетни и бежала их разносить со скоростью пресловутого японского автомобиля.

– Ну, как оно, ваше «ничего»? Слушай, мать, я же тебе не просто так звоню, а по поручению, – гнала Карина, как на зелёный свет. – Главный просил, чтобы ты зашла.

– Это еще зачем? – насторожилась Алёна.

Ей категорически не улыбалось светиться на прежнем месте работы, ежеминутно рискуя встретить там своего бывшего мужа или бывшую, подругу, теперешнюю жену бывшего мужа.

– Ой, мать, у нас тут такие новости! – поддала газу Карина. – На твою рубрику нового мальчика взяли! Совсем свеженький мальчик, только что с журфака. Ну, после журфака, сама знаешь, все мы фу ты – ну ты, амбиций полный воз, куда б деться! Но парень толковый, шеф кого попало не пригласит, сама знаешь! Да ты последний номер-то читала?

Алёна читала. После её ухода из редакции молодежной газеты, рубрика, которую вела Алёна и которая считалась самой «топовой», не появлялась ни в одном номере. Это льстило Алёне: приятно хоть в чем-то чувствовать себя незаменимой. Но в последнем выпуске рубрика вдруг возникла. Вполне понятно, что бывшая её ведущая с ревнивым вниманием изучила страничку от заголовка до последней точки. И вынуждена была констатировать, что в новом имидже её творческого ребёнка присутствовали и свежесть, и стильность, и неизбежный, но тонкий эпатаж. Кроме того, чувствовалось, что для нового составителя полосы этот газетный лист был лишь более-менее подходящим полигоном для собственных

глобальных идей и замыслов. Его имя – И. Опарин – ничего не говорило Алёне.

– Видела? Класс, правда? Даже наши зубры одобрили, а от них дождёшься, как же, ну ты сама знаешь! – Начисто лишённая нравственного ГИБДД, Карина с размаху проскакивала самые трудные повороты разговора. – Ну, конечно, этому мальчику до тебя далеко... – сочла она всё же нужным слегка притормозить. – Так вот, мать! Шеф просит, чтобы ты с этим Опариным Игорем встретилась и ввела его, так сказать, в курс дела. Хотя мальчик тот ещё. Его, по-моему, учить – только портить.

Алена согласилась. «Скрипя сердцем», как говорили в той редакции, куда она собиралась отправиться. (Хотя почему «говорили»? Говорят!) Увольнялась она по-хорошему, не хлопая никакими дверьми. Все знали – по личным причинам. Так зачем портить отношения с бывшим главным? Мало ли что!

В редакции, как всегда, жизнь кипела, бурлила, пенилась и била через край. Вынырывающие из её искрящихся волн бывшие коллеги радостно приветствовали Алёну и норовили завести разговор по душам. Но она чувствовала себя чужой на этом празднике жизни. Как сказал поэт Губерман: «И худо мне, как ложке дегтя должно быть худо в бочке меда» – между прочим, сказал в «Гариках на каждый день». «Кругом Гарики, – с тоской подумала Алёна. – Кажется, это симптом. Хорошо, что пока хоть не зелёные чертики».

Со своим преемником Алёна договорилась встретиться в редакционном буфете – она категорически не хотела идти в свой бывший кабинет.

Она узнала его сразу. Вернее, сразу поняла, что это тот, кто ее ждёт. Во-первых, новое лицо, старые-то все уже примелькались. Во-вторых, лицо довольно примечательное. Парень сильно смахивал на Киану Ривза периода «Матрицы», явно знал об этом и стремился подчеркнуть льстящее ему сходство одеждой и прической. Но даже не это главное. Главным было выражение его лица. Люди с такими лицами совершенно точно знают, что весь мир у них в кармане. А если об этом пока не догадываются окружающие – так то всего лишь досадное недоразумение. Похожие лица бывают у абитуриентов актерского факультета и строителей финансовых пирамид. То есть у тех, в чьи паруса дует прилетевший из экзотических стран ветер флибустьерства и авантюризма.

Алёна поёжилась, увидев себя со стороны глазами этого почти двойника голливудской звезды, полными веселой наглости. Приближающаяся к тридцати годам тетка с потухшим взглядом и машинально, без вдохновения наложенным макияжем... Бр-р-р! И вряд ли дело бы поправила бессовестно сожранная котом огуречная маска.

– Привет! Вы Алёна, – парень тем временам легко, мелкой рыбешкой при виде акулы пера, то есть Алёны, взмыл со стула. – Я вас сразу узнал. А вы меня?

«Какой ты резвый, малыш, – хмыкнула про себя эта самая

“акула пера”, – мнишь, что после первой же полосы проснулся знаменитым, и весь город знает тебя в лицо?»

Разговор, однако, завязался очень легко. Вопреки Карининым прогнозам, Игорь с искренним интересом отнёсся ко всему, о чём говорила Алёна. Белее того, он столь жадно ловил каждое её слово, как будто от этого зависело что-то важное. С подобным рвением резвые подружки невесты ловят брошенный ею в толпу свадебный букет.

Польщённая незаурядным вниманием молодого человека, Алёна расслабилась и забыла, что перед ней потенциальный творческий соперник. В какой-то момент она обнаружила, что болтает так оживлённо и хохочет столь громко, что на них уже с любопытством поглядывают из-за соседних столиков.

– Эй, Гарик! – окликнул кто-то, входящий в зал, Алёниного собеседника. – Тебя корректор обыскался!

– Ладно, потом! – досадливо отмахнулся тот.

Алёна аж поперхнулась своей последней фразой. Атракцион «Гарики нон стоп» никак не желал заканчиваться.

– Гарик?! Ты – тоже Гарик?!

– Почему «тоже»? – в свою очередь удивился её визави. – Игорь, Гарик – что тут странного? – он посмотрел на нее с непонятной пристальностью. – А вы меня совсем не помните?

– Нет... – растерялась Алёна.

– Дело в том, что я уже работал в этой редакции, – тор-

жественно сообщил новоявленный Гарик. Шесть лет назад. Курьером.

Шесть лет назад! Это был первый год существования газеты, когда грандиозные планы её учредителей многократно умножились на безумные идеи свеженабранных сотрудников, в основном молодых и, как теперь модно выражаться, амбициозных. О, это была славная команда! Лица у всех были такие, как сейчас у юного Игоря. По этому выражению и узнавали «своих». Это было как пароль. И еще все они были влюблены. Кажется, все парни были влюблены в Алёну, а все девушки – в Максима. А они... Чувства двух веронских подростков по сравнению с их страстью виделись легким дискотечным флиртом. О, это было славное время! Дух избранничества, безоглядного упоения всеми красками дня, эдакой кавалергардности витал в обшарпанных стенах редакции. Никто из них и не подозревал, что «кавалергарда век недолог и потому так сладок он»...

До скромного ли мальчика-курьера было тогда Алёне! Поэтому совсем не удивительно, что его облик не зацепился в её памяти.

– А я вас помню очень хорошо, Алёна, – глядя прямо ей в лицо, заговорил Игорь. – Здесь тогда тусовалась талантливая компания. Но вы... вы, Алёна, были ярче всех! – он медленно покатал между ладонями пластмассовый стаканчик с остатками «пепси». – Вы для меня тогда были... ну, эталоном, что ли. Всего: красоты, таланта, успеха... Ну и куража,

вот. Я, честно говоря, и на журфак-то тогда поступил, потому что хотел соответствовать, что ли...

«А я его совсем не помню...», – печально подумала Алёна.

– Да, я был в ту пору в вас влюблён, – продолжил Игорь свой вечер воспоминаний. – Просто безумно! Ну, конечно, перебрал весь джентльменский набор сопливой юношеской страсти, – иронично усмехнулся он. – Часами под окнами ходил, звонил и бросал трубку... Кстати, ваш телефон до сих пор наизусть помню. И была мечта... Ужасно глупая, конечно, детская... – Игорь откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки. – Я думал: вот когда у меня образуется куча поклонниц, буду им всем ваш телефон давать. Чтобы они, значит, оптом по этому номеру звонили и меня спрашивали... Смысл? Не важно! Важно, что вы должны были понять, какой я неотразимый. И, конечно, дать мне шанс...

Алёна захохотала.

– Ну, как вам идея? – подмигнул Игорь.

– Идея так себе. Но бывают и хуже, – подмигнула в ответ Алёна.

Она бумкнула своим пластмассовым стаканчиком о Гариков и торжественно провозгласила:

– За сбычу мечт!

И странная парочка принялась хохотать так безудержно, что в глазах заплясали чёртики. К счастью, они были не зелёные.

Однако, пока Алёна дошла до своего дома, её игривое настроение растаяло, как леденцы, которые тают во рту, а не в руках. Обреченно вздохнув, она села за компьютер. Статья по-прежнему не шла.

«Да, как ни хорохорься, а видно остыла и захла, ты, мать, – печально констатировала Алёна, честно промучившись около часа. – Нет в тебе ни перцу, ни огня, ни вдохновения... Ну, хоть бы кто-нибудь, ну хоть бы чуточку одолжил. Во как нужно! Хоть тот же Игорь. У него-то сейчас этого гуталину... куража то есть – немерено! А ведь я его когда-то вдохновила... Эх! Не одолжит, и не проси. В одну реку нельзя войти дважды».

Алёна задумчиво потыкала пальцем в клавиатуру. И вместо статьи на экран вдруг стали вылезать строчки:

Не бывает случайных встреч...
В жизни нынешней всё так зыбко.
Но готовы память обжечь
Чей-то голос, чья-то улыбка.
И хранишь в себе много лет,
(Бесполезно – не отмахнуться)
Чей-то взгляд, искавший ответ,
От которого ты отвернулся.
Так таит в себе «если бы»
Встреч, что мы посчитали случайными,
Варианты нашей судьбы.

Но уже не откроет тайны...

«О, тёпленькая пошла... То есть стихи пошли, – изумилась сама себе Алёна. – А следом пойду я. Туда, куда пошлет меня нынешний главный. Когда я принесу ему вместо статьи эти гениальные вирши».

И тут грянул многострадальный телефон.

– Да? – Алёна тупо обрадовалась возможности отвлечься от своих уже ставших традиционными грустных мыслей.

– Это я... – огорошил её голос Игоря. – Я это... что подумал. Ну, если меня все время ищут по вашему телефону... Так, может, я там и буду?

Двойка за любовные конспекты

«Если ты такая хорошая, то почему до сих пор одна?» Ну как могла не зацепить внимание Юлии книга с таким интригующим названием! «Да, действительно – почему?», – озадачилась она и разорилась на недешевую продукцию американской психологини.

В своем опусе заморская специалистка высказывала парадоксальную мысль: если женщина одинока, значит, она сама подсознательно выбрала этот путь. Ведь, мол, каждой фемине жизнь дает в этом смысле шанс. И не один. А если находят дуры, которые вышеуказанные шансы прошляпили, потому как в упор не разглядели – значит, не очень-то им и хотелось.

– Ну да, рассказывай мне – не хотелось! – фыркнула по этому поводу Татьяна, соседка нашей героини по лестничной площадке. – Это у них в Америке все на феминизме помешаны. А русская женщина, она без мужика – ну никак!

Татьяна и Юлия, несмотря на разницу в социальном положении, не то чтобы дружили, но довольно активно общались на почве своего незамужества. Но какое же разное это было незамужество! Татьяна в каждый из своих многочисленных романов бросалась сразу, не раздумывая и не колеблясь, как охотники за привидениями – на сигнал тревоги. (Кстати, где она исхитрялась мужиков-то находить, работая уборщицей в

библиотеке?) Каждая лав стори мыслилась ею как единственная и последняя. Дело дошло до того, что в свои тридцать с длинным и загогулистым хвостиком девушка умудрилась родить здоровенькую двойню от красавца кавказской национальности. Вот это была страсть, вот это был бразильский сериал! Правда, сразу после появления близняшек брюнетистый красавец скрылся, как ежик в тумане.

– Но ощущения-то остались! – хохотала неунывающая Татьяна, сноровисто пеленая дочурок, орущих свое «уа!» с явным грузинским акцентом.

У Юлии же всё обстояло совершенно иначе. Наша героиня представляла собой типичную бизнесвумен с установкой отличницы: всегда и во всём быть первой. В доказательство тому, на сегодняшний день она являлась ведущим специалистом небольшой, но весьма процветающей строительной фирмы. Любовь к профессии занимала в ее душе центральное место, поэтому чувствам по отношению к сильному полу приходилось перебиваться на периферии. А бурный процесс карьерного роста по эмоциональной наполненности не мог идти ни в какое сравнение с потенциальными радостями семейной идиллии.

Нет, конечно, в её жизни изредка случались романы. Но они довольно быстро рассасывались сами собой, потому что... «Ах, не сейчас, милый, я занята, лучше завтра... Нет, завтра тоже нет, вот послезавтра – может быть... Прости, дорогой...»

После импровизированного обсуждения с Татьяной американской книжки Юлия отчетливо поняла, что не только завтра, но и послезавтра в ее женской судьбе уже наступило. Как говорится, не успеешь оглянуться, а вслед уже не оглядываются. То есть, выражаясь по-научному, потревожил кризис возраста, который деликатно называют средним.

Наша бизнесвумен, как ей и полагается по статусу, проанализировала проблему со всех сторон. И сделала конструктивные выводы.

Итак, во-первых. Нужен мужчина. Разумеется, приличный и, желательно, как выразилась бы феминистка Мария Арбатова, породистый.

Во-вторых. Все таковые давным-давно женаты, и многие – уже не по первому разу. Следовательно, если нацеливаться на замужество, придется уводить мужика из семьи. А дело это не только неблагодарное, но, что гораздо хуже, хлопотное. Этот вариант Юлия отмела как слишком трудоемкий и требующий много времени.

В-третьих. А что, если минусы данной ситуации превратить в плюсы? Женат – и на здоровье! Жена накормит, обстирает, дурное настроение твое через свою головную боль пропустит. А вот к любовнице ты придешь, когда сам того захочешь, свеженький и лучезарный, с цветами и шампанским в зубах. Ну, ладно, не в зубах, а в пластиковом пакете с рекламой джинсовой одежды для продвинутой молодежи. (И это намекает на обстоятельство, что сам пакетносец мо-

лод душой и где-то даже телом).

Так вот, конструктивный вывод был прост и гениален, как изобретение авоськи: надо заводить женатого любовника. Тогда и волки будут сыты, и овцы целы. И пастуху, как говорится, вечная память.

В поисках объекта, слава Богу, можно было далеко не ходить: контора под завязку напичкана представителями мужественной половины человечества. Поэтому, не откладывая дела в долгий ящик, Юлия внесла в компьютер список всех работающих в родной фирме мужчин старше тридцати пяти и моложе пятидесяти. Далее каждого кандидата предстояло рассмотреть по нескольким параметрам, в число которых, например, входили IQ (ну, это понятно), «ВД» (внешние данные) и «ЗВ» (бросал ли объект когда-нибудь на нашу героиню заинтересованные взгляды).

Надо отметить, что на эту операцию Юлия даже не пожалела своего рабочего времени, что было для неё крайне нехарактерно. Личным же временем ради карьеры она жертвовала на каждом шагу. А как же иначе! Конкуренты не дремлют, зазеваешься – затопчут!

– Позвольте узнать, – вдруг раздался у неё над ухом беспардонный голос, – а почему в этом списке нет меня?

Вздвогнув, Юлия обнаружила у себя за спиной сотрудника, недавно появившегося в их заведении. То ли от старания побыстрее вникнуть сразу во все дела, то ли от природной шустрости, новичок был гибким и неожиданным, как курс

доллара. Даже волосы у него на макушке всегда стояли дыбом. Должно быть, не поспевали за динамикой своего владельца.

– IQ у меня, кстати, выше, – порадовал новичок, чохом кивнув на весь список. И продолжал настырно допытываться: – А что такое «В.Д.»? Воздушный десант? А «З.В.»? Знак вопроса?

– «З.В.» – знают все! В смысле, слишком много знают. Убивать пора! – намекнула Юлия.

– Понял! – воскликнул не в меру любопытный коллега, вероятно, напрягши весь свой IQ. – Секретные материалы!

И вымелся.

– Малдер, блин! – прошипела Юлия ему вслед.

Впрочем, несмотря на непредвиденные помехи, она споро закончила анализ данных и полюбовалась на дело рук своих.

А любоваться было на что. Потому как получалось, что единственной персоной из этого своеобразного списка, которая идеально подходила нашей героине по всем параметрам, оказался замдиректора, известный в узких кругах под прозвищем «премьер–министр». Причем, этим лестным прозвищем он был обязан вовсе не своей должности и тем болейте вокальным данным, как могла бы предположить чья-нибудь изощренная фантазия (здесь читатель может к месту напеть «Девочка с севера...»), тем самым внеся нелишнюю лирическую ноту в наше повествование). Так вот, всё обстояло до безобразия примитивно. Просто внешне местный замди-

ректора – был один в один! – двойником Михаила Касьянова. (При помощи этого хитро придуманного обстоятельства автор избавляет себя от описания немаловажного персонажа, спихнув сей труд на эрудицию и воображение читателя).

Взглянув на результат, выданный компьютером, Юлия поначалу слегка поразились своей наглости. Но быстро утешилась: «Полюбить – так королеву! В смысле, короля. Тьфу, ты! В смысле – премьер-министра».

В выходной с утра Юлия обложилась книгами типа: «Семь правил охоты на любимого», «Секреты обольщения», «Как завоевать мужчину» и углубилась в них с обреченностью студента, весело проболтавшегося весь семестр и теперь вынужденного лихорадочно зубрить всю эту муру, дабы хоть как-то соответствовать.

– Ну, наконец-то она что-то путное читает! – прокомментировала ситуацию заглянувшая к соседке ни свет ни заря Татьяна.

«Ну вот, пожалуйста, кругом шпионы, – с досадой подумала Юлия. – Никакой личной жизни!»

– Слушай, посиди с моими, а? Я пока в молочку сгоняю и в магазин, – попросила Татьяна, крутясь перед зеркалом. – Глянь, я левый глаз не криво накрасила?

– Господи, кто на тебя там смотрит – в молочке? – поразились Юлия.

– Мужчины бывают везде. Даже в молочке. Тем более в магазине, – назидательно отчеканила соседка, которая в этом

смысле была всегда в поиске.

– Да какие там с утра мужчины! – отмахнулась меркантильная бизнесвуменша. – Одни алкоголики. За опохмелькой прибежали.

– Ну, не скажи, – защитила Татьяна любителей ранних возлияний. – Мало ли какие у человека обстоятельства... Ну, я пошла?

– Иди, – разрешила Юлия и принялась под мирное сопение близняшек прилежно конспектировать главу «Бытовой стриптиз».

В понедельник, прихватив для отвода глаз кое-какие актуальные бумаги, наша героиня отправилась на приём к замдиректора.

Впрочем, на бумаги в руках ведущего специалиста «премьер-министр» не обратил никакого внимания. Зато подробно оглядел саму Юлию, явившуюся не в привычном брючном костюме, а в короткой юбке и блузке с вырезом. Когда же она, ободренная произведенным на объект первоначальным впечатлением, села, небрежно закинув ногу на ногу, шеф поспешно отреагировал на ее открывшиеся коленки предложением кофе. С коньяком.

«Это не просто. А очень просто», – констатировала для себя Юлия темп завязывающегося контакта. И, дабы закрепить успех, послала из-под ресниц над чашкой кофе своему визави взгляд томный, как голос Николая Баскова, и зага-

дочный, как инструкция на китайском (три часа тренировки!). Мужчина слегка поперхнулся кофе и...

Впрочем, никакого «и» не состоялось. Всё дело испортил назойливый и беззастенчивый, как реклама прокладок на TV, Малдер. Крайне некстати ворвавшись в кабинет, он с пеной у рта требовал срочно подписать какие-то бумаги, незамедлительно в чем-то разобраться и вообще типа заняться работой, а не... В этом месте он, наконец, заткнулся, уставившись на предназначенные отнюдь не для его взгляда колени коллеги.

Юлия фыркнула, одернула юбку и удалилась из кабинета с чувством наполовину выполненного долга. Впрочем, как выяснилось позже, именно прием «наполовину», «чуть-чуть» и «может быть» для нашего лже-Касьянова – самое то. Говоря другими словами, он относился к той категории представителей сильного пола, которых глубокий вырез на длинной юбке возбуждает гораздо больше, чем откровенные мини – бикини.

Путем интуиции и дедукции быстро уяснив эту специфику объекта, Юлия на ходу сменила тактику. Теперь она только скромно, но чувственно опускала ресницы, когда «премьер-министр» острил напропалую, неизменно оказываясь с ней рядом то на планерке, то на совещании, то подвозя ее на служебной машине.

И еще изо всех сил посылала ему импульс «да!». Ведь, как утверждают психологи-специалисты по обольщению муж-

ских особей, мужчине, на которого имеешь серьезные виды, надо как можно чаще говорить «да». «Как вы считаете, Юлия Александровна, мы должны подписать этот контракт?» – «Да!» «Вы думаете, мы сдадим этот объект вовремя?» – «Да!» «Хорошая сегодня погода» – «Да!!!» «А не поужинать ли нам вместе?» – «Да...»

Итак, уже были куплены свечи для романтического ужина, подобрано легкое меню... Но, на самом, как говорится, интересном месте потенциального бойфренда нашей героини отправили в служебную командировку.

Целую неделю Юлия не спала. Вы думаете, от тоски по возлюбленному? Отнюдь! Дело в том, что сложными окольными путями, вероятно, прощупывая почву, нашей бизнесвумен передали, что ее хочет переманить к себе недавно открывшийся в городе филиал солидной столичной фирмы. Да не просто переманить, а на должность замдиректора!

Особо беспокоило то, что Юлия мало что знала об этом филиале, а справки навести было практически не у кого. Какой, к примеру, там директор – тиран или демократ? Дружный ли коллектив? Да, в конце концов, который из имеющихся в наличии костюмов надеть для первого визита. Чёрный? Сочтут занудой. Красный? Могут расценить как слишком фривольный. Ну, разве тут уснешь?!

И вот Юлии передали, что завтра с утра ее официально приглашают для собеседования с руководством филиала. И

хотя наша героиня ждала этого известия, она все же слегка запаниковала, но тут же постаралась взять себя в руки. «Так, – решила Юлия, – сегодня я спокойна, очень спокойна! Никаких стрессов! Прихожу домой, готовлю зелёный костюм, пью снотворное и сразу в постель. Завтра изо всех сил я должна выглядеть...»

Ее стройные планы разрушил звонок мобильного.

– Юли-и-ия... – пропел приятный баритон. – Вы меня узнали?

При звуке этого неземной красоты голоса спина Юлии покрылась холодным потом.

– Конечно... – пролепетала она.

– Я думал о вас всю эту неделю, – продолжал интимно обволакивать баритон. – Если ваше согласие на ужин вдвоём остается в силе... То я к вам прямо с вокзала... Тогда я свободен... До утра, – расставил он точки над і.

Эти точки вдруг превратились в мурашки и по-хулигански зашлепали по мокрой спине Юлии, как школьники по весенним лужам. «Бежать домой, что-то по-быстрому готовить, – лихорадочно соображала она, – опять не выплусь... Круги под глазами... Запах перегара... Следы бурно проведенной ночи... Вот это кандидатка на должность замдиректора!»

– Извини...те, – сообщила она в трубку результат своих размышлений, – я... дело в том, что я сегодня очень заня-

та...

Она еще пыталась как-то выкрутиться, смягчить, объяснить, но в ухо уже ударили резкие гудки, презрительно выплевывавшие: «Ду-ду-ду...ду-ра...ду-ра...ду-ра...»

«Нет, я не дура, – тоскливо возразила Юлия уже дома, вполуха слушая трескотню забежавшей похвастаться новой кофточкой Татьяны. – Я умная. А это для мужиков еще хуже. Недаром же они говорят: “Женщины бывают ужас какие умные и прелесть какие дурочки...”»

– Нет, ну ты скажи – ничего, да? – тархтела тем временем Татьяна, вертясь перед зеркалом. – Живот, правда, сильно торчит. Но это ничего, врач сказал – скоро втянется. Ой, ты знаешь, у нас в роддоме врач был – прямо лапочка! Лысенький, правда, но такой зайка!

«Вот так! – грустно усмехнулась про себя Юлия. – Татьяна везде себе мужика найдёт... Даже в роддоме. Даже, наверное, в женской бане. Даже в гей-клубе! Потому что она настроена на любовь. А я? А я... А... что я?.. Нет, права, права американская психологиня: каждая женщина выбирает тот путь, на который подсознательно себя запрограммировала...»

Ее унылые философские размышления прервал неожиданный телефонный звонок.

– Здравствуйте, Юлия... Александровна, – с изумлением услышала она голос Малдера. – А я таки понял, что значит «В.З.», – радостно сообщил он, – «вовремя звонит»!

– Да уж, куда более вовремя! – невольно вырвалось у Юлии.

– Напрасно иронизируете, – совсем не обиделся Малдер. – А вот если бы вы сейчас пригласили меня на чашку кофе... Я мог бы дать много полезных советов по поводу вашего завтрашнего визита.

– Откуда вы знаете?! – изумилась Юлия.

– Другой вариант «В.З.» – «все знает»! Сами же сказали. Видите, какой я разнообразный. А вы меня в список не включили.

«Ну, чисто ФБР! Похоже, он догадался, что это был за список!» – нашу героиню бросило в жар от такого предположения.

– А я, между прочим, в этом филиале работал знаете кем? Замдиректора! – добил Малдер.

Юлия так и села. Хорошо, что на стул. Вернее, чего хорошего, потому что там под шумок уютно расположилась кошка. Мурка, как и положено ей, взвыла нечеловеческим голосом.

– Ну, зачем же так бурно реагировать? – гнусно захихикал в трубку Малдер.

– Так почему же вы ушли? – опомнившись, попыталась отомстить Юлия. – Фирма плохая? Или вы... не соответствовали?

– Нет, фирма хорошая, – успокоил тайный предшествен-

ник нашей бизнесвуменши. – И я парень что надо. Но дело в том, что там работает моя бывшая жена. Ну, сами понимаете... – И тут же перешел с минора на мажор. – Так как насчет кофе?

– Ладно, приходите, – сдалась Юлия. – Но только чай. И строго до одиннадцати. И со своим тортиком.

«Какой тут чай, – подумала она, машинально промокая со лба испарину листком, выпавшим из скомпрометировавших себя любовных конспектов. – Сейчас бы чего холодненького. Мороженого, например».

– Понял, – отозвался в трубку Малдер. – Ну вот и чудненько. А то я топчусь возле вашего подъезда. И торт-мороженое, между прочим, уже тает...

Секс по домофону

Улицы были туманны, как предвыборная речь кандидата в какие-нибудь депутаты. Где-то в синей дымке, в которой таял любимый город, затерялся потрёпанный жизнью плейбой Фёдор. Искал, значит, приключений на свою фольклорную часть тела. И наплевать ему было, что дома не спит и ждёт его, как Пенелопа, верная жена Маня.

– Три часа ночи! – констатировала Марья Петровна, нервно листая женский журнал. – Где его черти носят!

Она ошибалась. Фёдор вряд ли считал для себя подходящей компанию вышеупомянутых персонажей, поскольку презирал всех роконосцев в принципе. Себя он, разумеется, к таковым не относил. И правильно. Марья Петровна была беспредельно честной женщиной. Вот уже которую ночь она проводила исключительно в объятиях Морфея.

«Муж охладел к вам? Тогда сделайте Это!» – вдруг шепнул журнальный заголовок с явным «американским» акцентом.

«Ну-ка, ну-ка...» – Марья Петровна поднесла журнал ближе к глазам. Статья некоего американского сексопатолога утверждала: чтобы вернуть былую страсть супруга, необходимо всячески разнообразить сексуальную жизнь. Ну, например... Тут пронзительно загудел домофон.

– Мань! – раздался голос Фёдора. Причём чувствовалось,

что язык у него заплетается, как вологодское кружево. – Я это... Ключ потерял... Открой, Мань, а?

– Опять напился! – провела Маня экспертизу на расстоянии, не спеша выполнить просьбу.

– Дак, мы с ребятами это... футбол... – отозвался Фёдор и трагически воскликнул: Наши проиг... про... ик! Продули! Два-ноль! Ну как тут русскому человеку не напиться!

– Тю, да они ещё когда проиграли-то! У нас еще телевизор работал! – бестактно напомнила супруга.

– Черствый ты человек, Маня, – закручинился Федор. – Не обидно тебе за державу? Боже, с кем я живу!

– Живёшь?! – перевела разговор в интересующую её область Марья Петровна. – Сейчас в ботинках на диван заваляшься и до утра храпеть будешь! Живёт он! Да когда я от тебя последний раз слово ласковое слышала?!

– Ну что ты, Мань! Я тебя во как люблю! Ик! – решил пойти на стратегическую хитрость Фёдор. – Впусти, сама увидишь!

– Не пущу! – не поддалась на провокацию жена. – Оттуда рассказывай. А дальше посмотрим.

– Это как?! – Фёдор даже слегка протрезвел от такого оборота. – Типа секс по телефону... по домофону то есть?!

– А почему нет? – пошла вразнос Майя, вспомнив о необходимости разнообразить сексуальные отношения.

– Ну и извращенка ты, Мань! – в сердцах сплюнул Федор. Но на улице ночевать очень не хотелось. – Ладно. Согласен я.

– Приступим, – строго, как учительница перед контрольной, скомандовала Марья Петровна. – Я блондинка... эмм... крашенная... С пышными формами. На мне халат... Еще совдеповского производства, между прочим. Потому что некоторые не могут заработать жене на приличную одежду! А под халатом ничего нет... кроме теплого белья. Потому что в квартире холодина, но некоторых это совершенно не волнует!

– Да чо ты, Мань, тянешь, как начальство с зарплатой! – занервничал Фёдор. – Давай теперь я. Ну вот, расстегиваю я, значит, твою верхнюю пуговку...

– А ласковые слова? – закапризничала Маня. – Ты должен сказать, ну там, я тебя люблю, как чайка высоту... Ну? Как ты меня любишь?

Фёдор честно попытался представить самые дорогие для него вещи.

– Как пиво и футбол! – брякнул он, но, тут же осознав несуразность сказанного, удачно выкрутился: – Ну, заводись ты меня, Мань, как футбол. Особенно, когда наши с Португалией... Гхм... Перехожу ко второй пуговице!

– И что говоришь?

– Это... А ничего! Музыка играет. Лирическая такая... – попробовал усыпить бдительность второй половины Фёдор.

– Это откуда, интересно, музыка-то взялась? – ехидно поинтересовалась Маня. – Если видик ты еще месяц назад по пьяни в окно выкинул. И телевизор уж, почитай, сколько не

работает?

– Ну, допустим, соседи включили, – опрометчиво ляпнул Фёдор.

– Ага, соседи! – завелась Маня. Но завелась не в нужную сторону. – Да они кроме «Владимирского централа» сроду ничего не слушают! Был бы мужик нормальный, давно б разобрался, чтоб гадость эту на всю катушку не врубали!

– Ладно, Мань, отвлеклись мы, – поспешно перебил Фёдор, – продолжим. Расстегиваю, значит, я твою третью пуговку...

В очередной раз попытавшись расслабиться, Марья Петровна оперлась мощным бедром на стоявший рядом хлипкий столик. Столик пошатнулся. Красовавшаяся на нем фундаментальная ваза грохнулась стриптизерше на ногу. Она взвыла от боли. Однако Фёдор истолковал эти звуки в свою пользу.

– Мань, ты чо, уже в экстазе, да?

– Ага, шас! – обломила его жена. – Ваза тут упала. А ты дальше давай!

– Не, ну ты, Мань, беспредельщица! – ахнул многострадальный Фёдор, но вдруг осекся. А через минуту вкрадчиво сообщил: – Манюнь, в нашем эротическом шоу изменения. Тут, кажись, какие-то извращенцы присоединяются!

– То есть?!

– Да вот два мужика подвалили. По-моему, сейчас они снимут с меня пиджак, потом часы, потом... Короче, откры-

вай, Маня!!!

«Вот так всегда, на самом интересном месте», – разочарованно вздохнула Марья Петровна, нажимая на кнопку домофона.

Такие вот дела. А вы говорите: Америка, Америка! Выходит, что американцу хорошо, то нашему человеку – облом.

Почти рождественская история

Анжела шла по жизни с девизом: «Ведь я этого достойна!». Как это «чего?» Ясно, всего самого лучшего: косметики Л'Ореаль, шмоток от Армани и рождества в Париже.

Последнее, правда, в этом году сорвалось. Но Анжела знала: это временные трудности. Как и то, что она работает официанткой в занюханной кафешке, гордо именуемой рестораном «Вираж». Но завтра-послезавтра к подъезду этого вонючего общепита подъедет... – нет, она не такая дура, чтобы верить в принца на белом коне – управляющий банком на белом «мерседесе»! Он поставит к ногам Анжелы корзину алых роз и скажет: «Такой бриллиант, как вы, достоин более дорогой оправы. Предлагаю вам руку, сердце, поездку на Канары и ...»

– Эй, девушка! Официантка! – позвал кто-то из весьма немногочисленных в этот вечер посетителей.

Перебьётся. Пусть напарница обслуживает. Анжела и не думала отлипнуть от барной стойки, где стоял телефон. Один за другим она накручивала номера своего бойфренда – рабочий, домашний. Ни один из телефонов не отвечал, а на сотовом, по ходу, её номер вообще был заблокирован. В чём дело, блин?!

А накануне сказал, что по уши загружен на работе, поэтому запланированная совместная встреча Рождества, увы,

отменяется. В это, конечно, можно поверить: как-никак, её возлюбленный – заместитель управляющего банком, молодой и перспективный. Ого? А вы думали! Анжела не такая дура и тастетёха, чтобы бездеятельно утопать в розовых соплях и мечтах. Счастье надо ковать своими руками! Но не так же он занят, блин, чтобы не ответить своей зае! Ага, кажется...

– Официантка! – не унимался настырный посетитель.

Блин, где Татьяна? Где её носит в рабочее время?!

Из кухни, торопливо повязывая на ходу фартук, выскочила напарница Анжелы. Ну, наконец-то! Небось, опять объедки для каких-нибудь бездомных псин выпрашивала.

Татьяна, хотя ей, судя по всему, не было ещё и тридцати, давно превратилась в пресную суетливую тётку. Потому что жила исключительно чужими проблемами. Она со священным трепетом сдавала деньги в фонд мира и помощи голодающим в Африке, подбирала на улице бездомных котят и тащила их домой. Мужа, говорят, она тоже подобрала на улице. Тот отогрелся, отъелся, отоспался. Взглянул на суженую трезвыми глазами и дал дёру. Но Татьяна не потеряла веру в неблагодарное человечество. Стоило кому-нибудь из знакомых попасть в больницу, как она первая неслась в сие богоугодное заведение с судками и авоськами. Последним объектом приложения сил этой сестры милосердия стал охранник Федя, который после драки, случившейся в «Вираже», попал в лечебницу с вывихнутой челюстью.

Отсутствие охранника не замедлило отразиться на контингенте посетителей заведения. Вот и сейчас трещавшая по телефону Анжела краем глаза увидела, что в зал ввалился откровенный и к тому же в дымину пьяный бомж. Несмотря на конец декабря, пришелец был облачён в раритетную, ещё совдеповского производства, куртку типа «болонья», на голове его красовалась детская шапочка с помпоном, а под глазом – смачный фингал.

Нет, ну у них, ясен пень, не ресторан «Максим», но это уж слишком! Впрочем, Анжела и не собиралась пачкать свои наманикюренные пальчики об отбросы общества. Пускай Татьяна разбирается – это по её части.

Однако бомж, обедая зал мутным взглядом, остановил его именно на Анжеле, которая в этот момент удивительно походила на официантку из телепрограммы «Каламбур», никогда не отлипающую от стойки с телефоном. Неправильный посетитель икнул и обложил красотку матерной тирадой, которая, однако, имела конструктивный смысл: на работе надо работать!

Анжела, конечно, в его сторону и выщипанной бровкой не повела. Не царское это дело – на разных хануриков внимание обращать. Тогда поборник производственной дисциплины решил применить более радикальные меры. Он приблизился к девушке и попробовал отнять у неё трубку. Красотка пронзительно завизжала. Агрессор отпрянул и, не удержав равновесия, рухнул на пол. Анжела воспользовалась временной

победой и, кляцнув кнопками, заверещала в трубку: «Милиция!».

Дежурный наряд прибыл с похвальной оперативностью. Нарушителя спокойствия уже подняли за шкуру с пола и транспортировали к выходу, когда на милиционеров вдружкунулась Татьяна, эта защитница всех сирых и убогих.

– Да как вы смеете?! – кричала она. – Может, у человека горе? Может, ему помочь надо?

– Чего вы разоряетесь, гражданочка? – изумился грузный сержант в скрипучих сапогах. – Он что вам – муж родной?

– Да, родной! – ухватилась за спасительную идею Татьяна. – Все люди – братья!

– Ну и забирайте своего брата, – разрешил щедрый милиционер и хохотнул: – Подарочек к Рождеству!

– Ну и заберу! – крикнула в запале эта мать Тереза.

Она взвалила на своё хрупкое плечо слегка протрезвевшего от такого оборота дела бомжа и стала утешать как ребёнка:

– Ничего, всё будет хорошо. Пойдём, я здесь рядом живу. Проспишься, пока дежурю, а там видно будет...

Бомж умильно кивал и хлюпал носом. Он был явно сражён ангельским нравом девушки. Романтически настроенный свидетель событий сказал бы, что в эти минуты бродяга переживает катарсис, то есть полное очищение своей заблудшей души...

Станислав Иванович чрезвычайно гордился своими польскими корнями. Правда, внешне в нём ничто не намекало на принадлежность к гордому роду шляхтичей. Экстерьером Станислав Иванович выдался в русопятого отца (а был тот курносый, с простецкой физиономией) плюс, так же как ба-тя, начал рано лысеть. И шарма это облику ну никак не добавляло.

Поэтому шарм и шик Станислав Иванович искал в благородных обычаях предков по материнской линии. В частности, он каждый год пышно отмечал красивый праздник – католическое Рождество. И этой традиции неукоснительно следовали все окружающие его люди.

Вот и сегодня, 24 декабря, в конце рабочего дня управляющий банком «Висла» вышел из своего кабинета. Поздравил хорошенькую секретаршу с Рождеством и вручил скромный подарок – настоящие французские духи. Девушка зарделась, а Станислав Иванович внутренне крикнул: эх, жаль, не с этой красотулей он проведёт волшебную рождественскую ночь! Впрочем, то, что она, не моргнув глазом, принимает от него дорогие подарки, недвусмысленно говорит, что их отношения впереди.

Короче, и ночь не последняя, и дома его сегодня ждёт миллашка покруче – победительница «Мисс бюст», вот так-то!

Шофёр, он же телохранитель, внёс в квартиру Станислава Ивановича огромный, как банный веник, букет и масштабный, как банный тазик торт. Затем секьюрити был отпущен

хозяином на все четыре стороны: у парня тоже должен быть праздник.

А сам управляющий банком, распаренный в ожидании предстоящих радостных эмоций, отправился разыскивать свою «миску» в лабиринтах необъятной квартиры. Но вместо герлфренд обнаружил второпях нацарапанную записочку: «Папик прости!!! Мы с Артуром давно любим друг друга!!! И ришили савмесную жизнь ночать с Рождества!!!»

К записочке была ехидно пришпилена реклама средств от облысения.

«Артур! Мой заместитель! Уволю к чертям! – взбеленился было Станислав Иванович. Но тут же сам себя одёрнул. – Поздно боржоми пить, когда почки отвалились. Если парнишка решился такую свинью мне подложить, значит созрел-таки, чтобы своё дело открыть. Ну и флаг ему в руки. К тому же неизвестно ещё, кто кому свинью подложил. «Миска», тварь неблагодарная, – настоящий поросёнок! Вот пусть теперь Артур с ней и мучается!»

Немного побушевав по инерции, Станислав Иванович решил, что измена какой-то дуры, пусть и красивой – ещё не повод портить себе любимый праздник. И потом, есть соблазнительный запасной вариант: он, наконец, сможет осчастливить миловидную секретаршу.

Неунывающий рогоносец подобрал из угла зашвырнутый туда в сердцах букет, расправил его и отправился на такси к предполагаемой новой пассии.

– Кто там? – встревоженно спросил из-за двери девичий голос.

«Бедняжка, сидит одна дома и боится, – умилился Станислав Иванович. – Ну, я сейчас её успокою».

– Посыльный. Велели передать, – пробубнил он изменённым голосом, закрывая глазок букетом.

Девушка распахнула дверь, одновременно поспешно запахивая чрезвычайно короткий, почти не скрывающий её длинные голые ноги, халатик. При виде начальника глаза секретарши испуганно расширились, и Станислав Иванович успел отметить, что она как-то не очень рада сюрпризу.

Тут же за спиной кокетки замаячил здоровенный парень с голым торсом. Станислав Иванович с завистью отметил повышенную волосатость соперника, причём не только на голове, но и на других видимых частях тела.

Крик секретарши: «Армен, это не тот! Армен, я тебе всё объясню!» – управляющий банком слышал уже, кубарем скатываясь вниз по ступенькам. К счастью, приземление было удачным, ни одна из частей тела не пострадала. Свалившийся на голову букет, хотя и несколько помялся, но имел ещё вполне товарный вид.

«А глазки строила! Презенты принимала! И недешёвые! – горько размышлял Станислав Иванович над коварством несостоявшейся возлюбленной. – Никто меня не любит! Все любят только мои деньги!»

На душе было тошно. Кому пожаловаться? Кто его пой-

мёт? Вот бывшая жена понимала. Всегда посочувствует, успокоит, накормит, спать уложит. Только в глубине души Станислав Иванович мог себе признаться, что всё-таки зря развёлся со своей бывшей, годами и жизненной ситуацией проверенной половиной. Она была крепкий тыл и надёжная поддержка. Не то что эти сопливые вертихвостки: толку чуть, зато претензий целый воз!

«А хорошо мы Рождество встречали раньше всей семьёй, – ударился в воспоминания Станислав Иванович. – С Машей и Димкой. Пойду-ка я к ним. Вот обрадуются! – решил он, в очередной раз расправляя букет. – А Димке что-нибудь по дороге куплю».

– Стасик? – улыбочное, разрумянившееся лицо Маши слегка вытянулось. Она отступила вглубь квартиры. – Ну, заходи. Гостем будешь...

В гостиной за накрытым столом сидели Димка и по-хозяйски расположившийся незнакомый мужик. Причём этот самый мужик был ещё более лысым, чем сам Станислав Иванович! Вот, значит, на кого его Маруся променяла... И Димка не кинулся к отцу, а мог бы! С лысым разговаривает и смеются.

Гостем буду? А этот лысый, значит, не гость? Хотите сказать, что не только поезд ушёл, но и рельсы разобрали?!

Вручив растерявшейся бывшей жене злополучный букет, Станислав Иванович поспешно покинул некогда родное жилище и направил стопы к первому же попавшемуся пави-

льончику. Там он ткнул наугад в батарею водочных бутылок. И тут же за углом выхлестал горькую прямо из горлышка под аккомпанемент не менее горьких мыслей: «Предательницы! Стервы! Никто меня не любит, все любят только мои деньги!»

Банальность формулировки, а также то, что жена явно не укладывалась в эту классификацию, не смущали Станислава Ивановича. Очень скоро его голова, отягощенная тройной порцией горьких претензий и хорошей порцией просто горькой, затуманилась...

... Очнулся Станислав Иванович от нереального какого-то холода, как будто он очутился в кратере на тёмной стороне Луны. По ощущениям, из одежды на нём были только трусы. Да и то не факт.

Вокруг простиралась космическая же темнота. Только вдалеке мерцал какой-то огонёк, даря надежду.

Станислав Иванович с трудом поднялся и, оскальзываясь босыми ногами на снегу, ринулся на спасительный свет. Заледеневшими губами шепча молитву, чтобы это неверное свечение не обернулось бредом. Молитва помогла – огонёк оказался слабой мигающей лампочкой над обитой драным войлоком дверью. Банкир рванул тяжёлую дверь и, словно в райские кущи, ввалился в жаркое дурно пахнущее нутро.

При виде открывшейся картины Станислав Иванович окончательно убедился, что пребывает не в бреду и не в кос-

мосе, а в родной россейской действительности. Его глазам предстало помещение, большую часть которого занимали облупленные трубы различного диаметра с множеством разнокалиберных вентилей. На свободном пятачке размещался дощатый стол, на столе – ёмкость с мутной жидкостью. Сидевшие за столом два мужика при виде практически голого пришельца так и застыли с недонесёнными до рта стаканами.

Затем один из них молча сделал приглашающий жест за стол. А когда Станислав Иванович воспользовался приглашением, хозяин так же молча плеснул подозрительной жидкости в третий стакан и подал его гостю. Вероятно, сложившуюся ситуацию хозяин бойлерной оценивал по классической шкале «без бутылки не разберёшься». Бутылка, к счастью, в наличии имелась, поэтому разобрались быстро.

Ну, выпили за знакомство. Разговорились. Тезис Стасика (как без церемоний начали называть банкира новые друзья) «Все бабы – стервы» нашёл здесь глубокое сочувствие.

И вот, когда душа, наконец, развернулась, а беседа достигла апогея взаимопонимания, горячительное внезапно закончилось. Гонцом за новой партией спиртного выбрали Стасика. Потому что денег ни у кого не было, а новый знакомый уверял, что дома у него всё есть: и баксы, и выпивка. Мужики, кажется, не очень верили, но в дорогу собрали. Хозяин долго рылся в углу с ветошью, однако подобрал-таки гонцу и куртку, и треники, и шапочку. Что касается обуви, пришлось пожертвовать запасными рабочими сапогами.

Дальнейшее Станислав Иванович помнил смутно – вероятно, подозрительная мутная жидкость, которую он пил, наконец, подействовала во всей красе. Похоже, в первое попавшееся кафе банкир зашёл с намерением купить алкоголь. То, что карточки при нём не было, гуляка как-то упустил из виду – ведь она была всегда!

Ну и, конечно, не мог Станислав Иванович равнодушно пройти мимо типичной стервы-официантки, которая, вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, безудержно висела на телефоне. Ну, стерва она стерва и есть! Всего-то замечание сделал, а вот уже вяжет его милиция, ужасные приключения этого нескончаемого вечера продолжают, весь мир против него и нет ему спасения...

Но спасение всё-таки пришло от невзрачной девушки, которая своей, прямо скажем, не очень-то соблазнительной грудью встала на защиту Станислава Ивановича. И защитила, и спасла! Это был луч света в тёмном царстве, небесное сияние в конце тоннеля.

«Ангел, чистый ангел!» – успел прошептать разочаровавшийся в жизни банкир. И вырубился.

... Привычно зависшая с утра на телефоне Анжела выглянула в окно, и глаза у неё стали круглыми, как грязные тарелки, которые она не спешила убрать со стола посетителя. Бли-и-ин! Похоже, главная картинка её мечты начала вопло-

щаться! Прямо здесь и сейчас!

К подъезду ресторана «Ви́раж» вальяжно причалил сверкающий «Мерседес». Правда, был он не белым, а чёрным, отчего картинка имела вид негатива. Но это совершенно не важно! Важно, что из роскошного автомобиля вышел сам управляющий банка «Висла» Станислав Иванович. Анжела его сразу узнала – один раз видела, удачно попав на корпоратив со своим бывшим, а ныне столь коварно сбежавшим возлюбленным. Ведь тот в ту пору был заместителем Станислава Ивановича.

Пока Анжела пыталась прийти в себя, холёный мужчина, между прочим, с букетом алых роз в руках, – картинка Анжелиной мечты продолжала проявляться! – поднялся по ступенькам незамысловатого заведения и прошёл в полупустой зал.

Кстати, у Станислава Ивановича это был второй визит дня. Первым вышло посещение той самой бойлерной на окраине города. Как и обещал, гонец вернулся с выпивкой – ящиком дорогущего коньяка для своих спасителей. Мужики ошалели от счастья. Правда, на их лицах при этом читалась одна подспудная мысль: лучше бы благодетель не понтовался, а потратил эти деньги на несколько ящиков простой водьяры...

Станислав Николаевич тем временем прошёл меж столиков, направляясь в сторону убиравшей с одного из них грязную посуду Татьяне. Девушка замерла, растерянно таращась

на роскошные цветы. Замерли и немногочисленные утренние посетители в предвкушении необычного зрелища. Замерла и Анжела. У неё просто не было слов. Как?! Эта тухлая, ни на что путное не способная клуша украла у неё мечту?!

Но на этом испытания Анжелы не закончились.

В наступившей тишине Станислав Иванович торжественно опустился перед опешившей Татьяной на колени и почувствованно произнёс:

– Вы произвели на меня неизгладимое впечатление! Вы чудо! Вы лучшая женщина на свете! Предлагаю вам поездку на рождественские праздники в Париж! На само Рождество, правда, уже опоздали, но не всё ещё потеряно!

Оторопевшая от такого напора Татьяна машинально прижала к груди стопку грязных тарелок.

– В Париж на Рождество?.. – смущённо забормотала она. – Ой, не знаю... А как же я Федю брошу, охранника нашего?.. Он в больнице, с вывихнутой челюсть, даже есть толком не может... У него никого здесь нет, приезжий... Бедный мальчик... Ну, нельзя же его бросить... Какой там Париж... Ой, извините, я наверное, не смогу...

Как не дождался Игорь Николаев

Телевизор я не смотрю. Совсем.

Нет, я не имею никакого отношения к религиозным сектам, где оная развлекуха находится под строжайшим запретом. Элементарно, Ватсон: во время бури упала антенна, а поднять это сооружение – целая проблема.

Ну да Бог с ней, с антенной. Зато благодаря не просмотренным телепрограммам столько времени освободилось! Даже не просто вагон времени, а целый состав, идущий в нужном направлении духовного развития. В том смысле, что появился досуг для чтения умных книг. А если принять к сведению, что в моем доме отсутствуют также компьютер, видеомагнитофон и просто магнитофон, плюс, вернее, минус радио... Да мои мозги обречены на интеллектуальный взрыв!

Однако тинэйджеры, с которыми я работаю, шокированы таким наплевательским отношением к священным для них источникам шума и шумихи. «А чайник у вас есть?» – с надеждой (может, дескать, не все так запущено?) спрашивают они. Чайник есть. Правда, на днях перегорел.

Так о чём это я? Ах да, чайник... тьфу ты, телевизор не смотрю. Но рекламный ролик о конкурсе сока «Добрый» с Игорем Николаевым – увидела! Мельком, зайдя к знакомым. А рекламу эту, говорят, все лето по нескольким про-

граммам крутили. Но вдруг вы, дорогой читатель, как и я, не относитесь к подавляющему большинству россиян? Вдруг у вас, не дай Бог, конечно, электроэнергию отключили за неуплату? Или вы, к примеру, все жаркие месяцы провалялись на горячем песочке на Канарах и потому не в курсе креативных изысков отечественной рекламы?

Поэтому пересказываю суть. Первое: купить десять литров сока «Добрый». Второе: выпить его (варианты: вылить в раковину или за шиворот доставшему вас человеку; угостить страдающего от сушняка бомжа; устроить маленькое эротическое шоу с взаимным обливанием). Третье: фрагменты освободившейся тары с указанием емкости поместить в конверт. Четвертое... И самое главное! Написать слова доброй песни. Положить в этот же конверт и послать на указанный абонентский ящик.

На самые талантливые стихи музыку напишет сам Игорь Николаев! Да-да! С чрезвычайно обаятельной улыбкой дельфин российской эстрады сказал с экрана: «Пишите. Я жду». Ах! Как приятно, когда такой интересный мужчина ждёт от тебя весточки. Быть может, у экс-супруга Наташи Королёвой обозначился некий кризис, не только в личной жизни, но и в творчестве? Вот и решил маэстро припасть к свежей струе народного творчества.

Вообще-то я не люблю попсу так же откровенно, как профессор Преображенский не любил пролетариат. Но Игорь Николаев в моем попсофобовом сознании, признаюсь, сто-

ит почему-то особой статьей. Может быть потому, что свой обаятельный музыкальный попсовый ширпотреб творит он с эдакой завораживающей моцартианской небрежностью. А может потому, что довелось на одной вечеринке под песню Николаева танцевать с неким весьма меня интересующим кавалером. Как водится в жизни, важное прошло, а мелочь, мелодия, осталась, накрепко связанная с именем её автора.

Короче, шанс вот так, запросто стать соавтором самого Игоря Николаева выпадает раз в жизни. К слову, в конкурсе предполагались и другие призы. К примеру, караоке и даже сто тысяч рублей. Но меня такие мелочи не интересовали. Полюбить – так королеву. В смысле – короля. Короля, уж так и быть, попсы. (Пушкой он и король попсы, но все-таки – король!)

Как говорят французы: чтобы сделать рагу из зайца, нужен как минимум заяц (воистину любая банальность прозвучит глубокомысленно, если приписать ее тому, чье имя ласкает ваш слух). Чтобы победить в конкурсе на лучший текст для песни, нужен как минимум этот самый текст. Вообще-то я стихов никогда не писала, если не считать легкомысленных рифмовок к капустникам на корпоративных вечеринках. Но тот, кто этим не занимался, пусть первый бросит в меня рифмой «поздравляю-желаю». Однако, положи руку на сердце (а стихи – на музыку) чем я хуже Ларисы Рубальской? Единственное – по-японски ни в зуб ногой. Но писать-то надо по-русски! Так что здесь мы равны. Хоть это окрыляет.

Итак, не будем рассуждать о вдохновении и озарении свыше. Ведь я не записной поэт, и муза мною не «прикормлена», чтобы являться по первому зову. Отнесёмся к стихотворчеству как к производственному процессу. На мой глубоко дилетантский взгляд, чтобы состояться как стихотворение, текст, кроме рифмованных строчек, разумеется, должен содержать либо достаточно свежую мысль, либо яркий, оригинальный образ. И пусть опровергнут меня профессионалы. (А профессионалы меня не опровергнут: делать им больше нечего за бесплатно-то).

Основательно порывшись в памяти, я извлекла из её недр пусть не ахти какую, зато стопроцентно собственного изготовления мысль. В глубине души я даже ею гордилась, но вот до сих пор не могла никуда пристроить. И вот, похоже, час бесприютного тезиса настал!

Идея, которой предстояло стать сутью будущего стихотворения, заключается в следующем. Чем громче кричат люди на площадях о своих страстях и пристрастиях, чем оглушительнее вопят в газетах о всяких революциях, перестройках, майданах – тем бесследнее растворяется вся эта гремящая смесь в сознании поколений next. И наоборот: чем сокровеннее чувства, чем меньше говорят о них вслух, тем стопроцентнее найдёт отклик в сердцах далеких потомков замешанная на этой сердечной склонности трогательная житейская история. А уж ТАЙНАЯ любовь – это вообще снайперское попадание в категорию хитов всех времен и наро-

дов! Вот скажите, кто из подростков искренне не вздыхал над печальной love story средневековых тинэйджеров Ромео и Джульетты? Разве только те, кто родился до времени юных веронцев.

Итак, идея песенного текста была найдена. Оставались мелочи – упаковать ее в надлежащую форму. Для начала следовало сочинить то, без чего песня, как правило, не существует – рефрен. С этим я, неожиданно для себя, справилась довольно быстро. Если уж речь идёт о том, что главные в жизни слова мы произносим тихо, то ключевое слово – «шёпот». «Шёпот ветра, шёпот дождя, шёпот... сухих губ. Я люблю тебя... Я тебя сберегу». В начале жизни ребенок слышит слова любви от матери, в юности каждый говорит их любимому, взрослый человек говорит эти слова состарившимся родителям.

Славно! Процесс пошёл! Есть уже два ведущих (как учат в школе и гуманитарном институте) ингредиента каждого уважающего себя художественного произведения: тема и идея. Надо только облечь этот стройный замысел в изящную, по возможности, форму. То есть попросту зарифмовать вышеизложенную мысль. Ага, «попросту»!

Оказывается, слова, с которыми приходится работать, в процессе создания стихотворения ведут себя как живые существа. К тому же капризные и скандальные. Поэтому процесс оказался не из легких. Забретающие на ум рифмы, словно вредные заплутавшие грибники, никак не хотели пе-

рекликаться и аукаться со смыслом. Предложения не желали лезть в стихотворные строчки с такой же категоричностью, с какой гордый рояль отказывается лезть в двери малогабаритной квартиры. Сколоченные с трудом четверостишия не соответствовали друг другу по размеру и начинали, как соседи по коммуналке, склочничать – кто под кого должен подстраиваться.

Радовало только одно. Увлечшись процессом создания доброго текста, я так прониклась гуманными чувствами, что от умиления непрерывно лила слезы. А это хорошо. Ведь первая половина заповеди того, кто претендует на творчество, гласит: «хочешь заставить плакать – плачь сам» (вторая половина: «хочешь заставить смеяться – будь серьезным», но сейчас не об этом). Ну, я и плакала.

А так как процесс усовершенствования стихотворного полуфабриката шел непрерывно, я просто хронически рыдала: покупая кошачий корм, садясь в стоматологическое кресло, стоя на одной ноге в переполненном междугородном автобусе.

Но если слезы в зубоврачебном кресле все-таки оправданы для окружающих, то продавцы и пассажиры автобуса поглядывали на меня с некоторым недоумением. Впрочем, до пассажиров мне не было дела, потому что в автобусе было радио! И оно являлось для меня если не единственным, то главным источником поп-музыки. С большим интересом, чего раньше не делала, я прислушивалась к словам песен. В

основном это была словесная шелуха, временами весьма беспомощная. Но попадались и классные стихи. Поразил, например, русский текст к песне Джо Дассена «Если б не было тебя...»

Я так не могу – поняла я. Может, и не надо?

Но, как выяснилось, процесс виршеплетения, как ядерную реакцию, на определенном этапе остановить невозможно. Продолжался он два дня. Результатом стало появление слегка кособокого, но вполне симпатичного и трогательного, на мой взгляд, рифмованного экземпляра.

Кстати, раньше я считала, что некоторые профессионалы-песенники работали над своим детищем гораздо дольше. Возьмем, к примеру, автора «Русского поля» Инну Гофф. В своих мемуарах она делилась, что со дня обращения к ней Марка Бернеса до момента окончательного оформления текста песни «Когда разлюбишь ты...» прошло целых полгода. Полгода! Не спеша же работали советские писатели. Не то, что нынешние донцовы-куликовы: хоп – и детектив за двадцать дней. Как шутят кавээнщики: «Попытка расписать ручку закончилась очередным романом».

Ну, детективщик из меня вряд ли выйдет. Но вот талант поэта-песенника я, может быть, собственноручно в землю закопала, а? Глядите-ка: два-три дня – и готово! Быстро, результативно, выгодно. Найти бы еще композитора, чтобы мои творения на какую-никакую музыку положил...

Кстати, о композиторе! Игорь-то Николаев уже, поди, за-

ждался. Негоже мурыжить человека, заставляя его маяться. Стихотворение доработаю потом, а сейчас надо поспешить с завершающим штрихом в схеме этого творческого проекта. Всего-то мелочь – пойти и купить десять литров сока «Добрый».

Бегу в первый попавшийся магазин. Тупо изучаю огромную витрину с напитками. Но не вижу там не только сока «Добрый», но и вообще никакого. Продавщица выжидательно смотрит на меня и, наконец, не выдерживает: «Что вы хотели?» – «Сок...» – «Соки напротив», – презрительно бросает труженица прилавка. Интересно, чего она ожидала? Что я куплю среди бела дня пару бутылок водки? А я-то всегда была уверена, что моя внешность не! может натолкнуть на подобные мысли. Как мы иногда себе льстим!

Одно расстройство сменяет другое: сока «Добрый» в этом магазине нет. Ладно. Иду в другой. Витрина с соками нарядно пестрит и рябит яркими упаковками. Чего тут только нет! Впрочем, довольно скоро выясняется, чего именно нет. Угадайте с трех раз – чего? Правильно, сока «Добрый». Иду в третий магазин. Чем тут порадууют? Так, «Моя семья», «Фламинго», «Фруктовый сад»... Ага! «Доб...рыня»... Даже и не знала, что есть такой продукт. Есть, оказывается. А сока «Добрый», как вы уже догадались, нет.

Короче, после моего тотального шоппинга по продовольственным магазинам выяснилось: легче попасть на «Фабрику звезд», чем купить в нашем посёлке сок «Добрый».

Здесь предприниматели не хотят украшать свои витрины безалкогольным напитком с таким хорошим названием. По непонятной причине они презирают его глубоко, искренне, что называется, от всей души. Как владелец «Мерседеса» – владельца «Запорожца». Как кавээнщики – Евгения Петросяна.

Так что не дождался Игорь Николаев моего стихотворения. И не стала написанная на него песня хитом сезона, всенародным шлягером. Вот так из-за ерунды порой проваливаются великие проекты. Перебежал, например, заяц дорогу Пушкину, и тот, поверив в плохую приметку, не поехал в Петербург и не пошёл 14 декабря на Сенатскую площадь.

В хронике обломов и я, выходит, смогу вписать себя в историю России рядом с Пушкиным. Симпатическими, то есть невидимыми чернилами. Но симпатические чернила имеют свойство когда-нибудь симпатичным образом проявляться. Поэтому надо дать Игорю Николаеву шанс. Например, опубликовать стихотворение в газете. А вдруг она попадётся ему в руки? Смеётесь? Правильно, шутка. Но фишка не в том, что эта газета никогда не попадётся в руки представителю артистической богемы. А в том, что это стихотворение адресовалось, в конечном итоге, вовсе не для всенародно любимого композитора-попсовика, а для Вас, дорогой читатель. Ведь даже если бы оно все-таки и состоялось как добрая песня, и Игорь Николаев исполнил бы её в своей неподражаемо-проникновенной манере, именно у Вас, дорогой читатель, это

произведение должно было вызвать (или не вызвать) чувство нежности и любви.

Так что можете считать весь этот рассказ большим предисловием к маленькому стихотворению. Вот оно:

Мы с криком в этот мир пришли, и мир огромный
Был полон грохотом ручьев, салютом грома.
Мы с воплем счастья по весенним лужам топали.
Но мама главные слова сказала шёпотом.
Шёпот листьев, шёпот травы, шёпот сухих губ:
«Я люблю тебя, малыш, я тебя сберегу».

Шумела жизнь, полна затей, застольем дружеским.
Звенела спорами в ночи, гремела музыкой.
Но чувства криком объяснить – пустые хлопоты.
Извечно главные слова звучали шёпотом.
Шёпот ветра, шёпот травы, шёпот сухих губ:
«О, как я люблю тебя. Я тебя сберегу».

Забылись лозунги, что с кумачей кричали,
А ведь за них на пытки шли и умирали.
Чем больше крика, тем порой печальней опыт.
Давайте мы для главных слов оставим шёпот.
Шёпот листьев, шёпот травы, шёпот сухих губ:
«Мама, я люблю тебя. Я тебя сберегу».

8.10.2005